

ГИБЛОЕ МЕСТО

АНТОН
ГРАНОВСКИЙ

ВОЙНА ДЕМОНОВ

Гиблое место

Антон Грановский

Война демонов

«ЭКСМО»

2009

Грановский А.

Война демонов / А. Грановский — «Эксмо», 2009 — (Гиблое место)

Бесчисленная рать нечисти и лесных жителей двинулась на столицу княжества русичей Хлынь-град, чтобы отомстить за многовековые обиды – вырезать мужчин и детей, а самых красивых женщин угнать к себе, в Гиблую чащобу. Но почему среди нелюдей, упырей, оборотней и волколаков оказался их злейший враг – Глеб-Первоход, журналист из XXI века, заброшенный неведомой силой в IX? С какой тайной целью отважный борец с темными злыднями стал союзником лютого воинства? Каково это – быть послушной фигурой на жутковатом шахматном поле чужой игры?

© Грановский А., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антон Грановский

Война демонов

*Юлии, которая первой прочла эту книгу
и нашла ее интересной.*

Пусть исполнится то, что задумано.
«СТАЛКЕР»

Глава первая

1

В крохотный квадрат окна под потолком лился солнечный свет. Светлее, однако, в подземелье от этого почти не делалось. На плотно утоптанном земляном полу, покрытом полу-сгнившей соломой, лежали, закутавшись в рванье, люди.

Все они были похожи, и лишь один отличался от прочих. Он был намного крупнее других узников, крепок и мускулист, как бык, а его огромная плешивая голова была увенчана двумя огромными шишками, похожими на рога. Одет он был так же, как другие, – в грязное тряпье.

По углам подземелья поблескивала наледь. Узники спали. Из их приоткрытых чохоточных ртов вырывался белый парок. Кто-то постанывал во сне, кто-то кашлял, кто-то стучал зубами от холода.

Бычеголовому полонцу, казалось, приходилось тяжелее, чем другим. Меж дыр в его рубище проглядывала окровавленная кожа. Голова была покрыта глубокими, едва запекшимися ссадинами. Дрожал он беспрестанно, да так, что все подземелье ходило ходуном.

Один из полонцев, лысый, со впалыми щеками, уселся на полу, посмотрел на Бычеголова и проговорил:

– Эй, паря, будешь так класать зубами, они у тебя отвалятся.

Бычеголов не ответил. Лысый узник поднялся с земляного пола и, пошатываясь, подошел к Бычеголову. Присел рядом, вгляделся в его лицо.

– Э, парень... Да ты, я вижу, совсем плох.

Бычеголов не ответил и на этот раз. Лысый вздохнул и, немного поколебавшись, стянул с себя дырявый суконный плащ.

– На-ка вот, согрейся. – Он укрыл Бычеголова плащом.

Другой узник поднял голову, поскреб грязными пальцами щеку и недовольно спросил:

– Пошто с нелюдем теплом делишься, Довгуш?

– Недолго ему осталось, – ответил невысокий. – Кончается ведь.

– Он еще нас с тобой переживет. Гляди, какой здоровый.

Невысокий Довгуш хмыкнул и покачал головой:

– Ты, Паркун, видать, недолго в подземелье-то. Здоровые, они раньше других кончаются. Это мы с тобой, как мышки малые, нам зернышко брось – мы и сыты, лоскутком укрой – мы и согреты. А этакому верзиле без хорошего куска мяса и недели не протянуть.

Лязгнул железный засов, и дубовая дверь распахнулась. В подземелье, пригнувшись, чтобы не расшибить головы о притолоку, вошли трое охоронцев.

– Который тут урод?! – рявкнул один из них.

– Да вон он, – кивнул на Бычеголова Паркун.

- Охоронцы подошли к нелюдю, подхватили его под мышки и потащили к выходу.
– Куда вы его? – спросил Довгуш.
– На кудыкину гору, – мрачно ответил охоронец и захлопнул дверь.

* * *

- А ну-ка, Дранный, вжарь ему еще десяточек!
Дранный был кат опытный, бил толково, с отяжкой. На десятом ударе сморился и вытер потное лицо тряпкой.
– Уф-ф... Умаялся совсем. Здоровый бык. Такого плетью не перешибешь.
Бычеголов висел на дубовых подлокотках, не произнося ни слова.
– Слышь, нелюдь! – окликнул его княжий дознаватель. – Как тебя там... Бычеголов! Для тебя, я чай, наша плеть – навроде щекотки? Можь, тебя чем другим пощекотать, а?
Кат прищурил раскосые глаза, оглядел изорванную в клочья спину Бычеголова и небрежно осведомился:
– Что, ежель ему спину водкой взбрызнуть?
– Водкой? – Дознаватель хмыкнул. – Жириновато будет. Водка – продукт дорогой.
– Зато развлечемся. Говорю тебе – весело будет.
– Это ты так говоришь, потому что водка моя. А была бы твоя, только б я ее и видел.
Дранный хохотнул:
– Верно. У меня б не застоялась.
Спина Бычеголова была сплошь иссечена железным оконечником плети. Под ногами у нелюдя набралась целая лужица вязкой, темной крови.
– Кровь-то его собери, – сказал дознаватель, – зря же пропадет.
Кат взял со стола специальную, вбористую, как губка, тряпицу, нагнулся и тщательно промокнул кровь Бычеголова. Затем выпрямился и выжал кровь из тряпицы в глиняную кубышку.
– Ну вот! – засмеялся дознаватель. – Крови, что в кубышке, тебе на дюжину кувшинчиков водки хватит! А ежели у барышников, то и того больше.
Дранный внимательно посмотрел на дознавателя, облизнул губы толстым языком и мрачно проговорил:
– А я, слышь, у барыг-то не покупаю. Я княжьи указы чту.
Дознаватель согнал улыбку с лица.
– Я тоже, – дрогнувшим голосом произнес. – А это я только так... шутки ради сказал.
– Шутки? – Кат прищурил глаза. – Гляди, дошутишься.
Дознаватель слегка побледнел.
– Что ты, Дранный, – поспешно проговорил он. – Нешто я из противленцев?
– А кто тебя знает? – с угрюмой насмешливостью ответил кат. – Кабы подтянуть тебя чуток на дыбке, вот тогда бы правду и сказал.
Дознаватель побледнел еще больше. Он попробовал улыбнуться, но улыбка его вышла кислой.
– Какой ты, право, смешной, – сдавленно проговорил он. – Городишь, сам не знаешь что.
Ну, хочешь, я тебе водки налью? Сам попробуешь.
– Что ж, налей.
Дознаватель достал из кармана маленькую крынку, пододвинул к себе оловянный стаканчик, стоявший на столе, и плеснул туда водки из крынки.
– Чего жмешься? – хмуро усмехнулся Дранный. – Барышья водка-то?
– Тьфу на тебя! – Дознаватель плеснул еще немного. – Столько хватит?
– До краев, говорю, лей.

Дознаватель вздохнул:

– Супостат ты, супостат... Разорить меня решил?

Однако водки долил. Дранный взял стаканчик, набрал немного водки в рот, повернулся к Бычеголову и, надув щеки, выплюнул фонтан водки на окровавленную спину уroda.

Бычеголов дернулся, но не застонал и не зашипел.

– Это ему, как нам с тобой дождичек, – заметил дознаватель. – Зря только водку перевел.

Кат выплеснул в рот остатки водки и передернулся.

– Эй, нелюдь! – окликнул он. – А что, ежели я тебе эту водку в одно место впрысну и лучинку горящую поднесу? Тоже молчать будешь?

И вдруг Бычеголов дернулся в цепях. Мышцы его вздулись, из глотки вырвался натужный хрип. Кат удивленно вскинул брови и отвел руку для удара, но тут железная цепь лопнула.

Бычеголов сбросил с себя оковы, схватил ката за голову и с хрустом свернул ему шею. Отшвырнул от себя обмякшее тело и, пригнув рогатую голову, двинулся на обомлевшего дознавателя. По пути он сгреб со стола кувшин со своей кровью и сунул его в лицо изумленному и растерявшемуся дознавателю.

– Пей! – рявкнул Бычеголов.

– Н-не могу, – проскулил дознаватель, с ужасом глядя на кувшин.

– Пей – убью.

Дознаватель поднес кувшин к губам и послушно отхлебнул. Сморщился, но грубого слова сказать не посмел. Бычеголов усмехнулся.

– Ты – упырь, – пробасил он. – Кровь пьешь. Скажи это!

– Я упырь, – слабо пробормотал дознаватель.

Бычеголов прищурил глаза:

– А что делают с упырями?

– Убивают, – выдохнул дознаватель. Лицо его сморщилось, и он плаксиво проговорил: – Пожалей, прошу...

Бычеголов схватил дознавателя за тощие плечи, выдернул его из-за стола и с силой швырнул об стену. Раздался хруст ломающихся костей, и мертвое тело рухнуло на земляной пол.

Бычеголов плюнул на труп, повернулся и вышел из пыточной палаты.

Навстречу Бычеголову вышли два охоронца. Бычеголов, не останавливаясь, схватил их за волосы и хрястнул друг об друга головами, потом отбросил в стороны и, не оглядываясь, двинулся дальше по коридору.

Из-за угла вывернул еще один вооруженный ратник – Бычеголов молниеносно схватил врага пальцами за шею и вырвал ему кадык.

Свернув за угол, нелюдь увидел трех ратников, все трое при мечах, а у одного в руках еще и бердыш. Бычеголов пригнул голову и устремился на них. Бедолаги не успели даже вынуть из ножен мечи. Одному из них Бычеголов расшиб лбом лицо, а двум другим сломал черепа ударами своих крепких и тяжелых, будто кузнечные молоты, кулаков.

Минуту спустя Бычеголов вышел из темницы, остановился и взгляделся в темноту.

– Диона! – негромко позвал он.

Из-за дерева выступила стройная темноволосая девушка в меховой охотничьей куртке.

– Как все прошло? – тихо спросила она на языке нелюди.

– Нормально, – ответил Бычеголов.

– Ключ добыл?

– Да.

Бычеголов протянул ей связку ключей.

– Молодец. – Девушка спрятала ключи в карман меховой куртки, встала на цыпочки и поцеловала уroda в бугристую, окровавленную щеку.

Бычеголов хотел обнять девушку, но она отстранилась.

- Не сейчас. Сильно они тебя помяли?
- Нет, – прогудел он. – Отлежусь денек и буду в порядке.
- Хорошо. А теперь пора уходить!

Девушка повернулась и быстро зашагала к деревьям. Вдохнув полной грудью бодрящий воздух воли, Бычеголов тихо рассмеялся, затем быстро нагнал девушку, и вскоре они растворились в темноте.

2

В комнате царил полумрак. Угольки зажженной лучины с шипением падали со свечей в воду. Глеб Орлов наполнил оловянный стаканчик, взял его нетвердой рукой, раскрыл рот и залпом выпил.

Позади раздался шорох. Глеб обернулся. В углу комнаты он увидел темный силуэт. Глеб молниеносно схватил со стола кинжал и хрипло спросил:

- Ты кто?
- И долго еще ты намерен пьянствовать? – осведомился знакомый голос.

Тень вышла из угла, и в тусклом свете лучин глазам Глеба предстал охотник Громол. Худощавое спокойное лицо, длинные, с проседью, волосы, меховая охотничья куртка и меч-всеруб на поясе.

- Громол! – Глеб тряхнул головой. – Откуда ты взялся, дружище?
- Я должен был прийти, и я пришел, – ответил охотник. – А ты, я вижу, здорово надрался.
- Я? Да нет. Просто немного выпил.

Громол взгляделся в осунувшееся лицо Глеба и нахмурился.

- Тебе стоит пореже это делать, – сказал он.

Глеб усмехнулся.

– Жизнь – это болезнь, – изрек он назидательно. – А водка – анестезия. Выпьешь со мной? Ах, прости – ты ведь призрак, а призраки не пьют. Присаживайся!

Глеб хлопнул ладонью по скамье.

Громол сел. Посмотрел на Глеба тяжелым взглядом и сказал:

- Грядут страшные события, Первоход.

- Что еще за события?

Громол помолчал, словно раздумывая, стоит ли посвящать ходока-пьяницу в сокровенные тайны Гиблого места, затем вздохнул и сказал:

- Ты знаешь, что случилось с Лагиным?
- Ты про ученого мужа? – Глеб помрачнел. – Он был моим заказчиком. Хотел сделать из железа золото и одарить им всех. Я отвел его в Гиблое место, но не смог вывести обратно.
- Как это случилось?

– Он исчез. Мы остановились на ночлег, разожгли костры, расставили вокруг лагеря дозорные рогатки. Ты знаешь, я всегда отношусь к делу ответственно. Но в ту ночь я очень сильно устал. Схватка с колдуном Осьмием измотала меня. – Глеб поморщился. – Не знаю, что произошло... Только, когда я проснулся, Лагина возле костра уже не было. А почему ты о нем спрашиваешь?

- Меня мучают видения. И все они связаны с Лагиным.

Глеб ухмыльнулся:

- У призраков бывают видения?
- Я не призрак. Все гораздо сложнее, чем ты думаешь.
- Может, расскажешь?

Громол качнул головой:

– Нет. Не могу. Когда-нибудь, но не сейчас.

– Почему?

– Ты еще не готов к этому знанию. Давай вернемся к нашему разговору. В моих видениях есть не только Лагин. Есть там и Диона.

Глеб повернулся к кувшину с водкой и задумчиво на него посмотрел.

– Диона? – хрипло пробормотал он.

Громол кивнул:

– Да. Она что-то задумала, Глеб. С тех пор, как ты отдал ее нелюдям, она сильно изменилась.

– Я отдал ее нелюдям, чтобы они исцелили ее от смертельного недуга, – угрюмо проговорил Глеб. – И потом, Диона сама нелюдь. Она предвидит будущее и умеет читать мысли. И подозреваю, что это еще не все.

– Она что-то замыслила, – повторил Громол. – В моих видениях она стоит посреди огромной выжженной пустыни. А за спиной у нее – крылатая тень. И у этой тени... – Охотник осекся, будто слова застряли у него в горле, но сделал над собой усилие и договорил: – У этой тени голова Лагина.

Глеб взглянул на Громола изумленным взглядом.

– Лагин не мог выжить в Гиблом месте, – сказал он твердо. – А что касается Дионы, то думаю, ты преувеличиваешь. Выжженная пустыня... – Глеб пожал плечами. – Это слишком даже для нее.

Громол помолчал. А когда снова заговорил, голос его зазвучал глухо и негромко:

– В Гиблой чащобе есть одно место. Страшное место. Нелюди зовут его Святилище Нуарана.

– У нелюдей есть свое святилище? – вскинул брови Глеб. – Забавно. И кто такой этот Нуаран? Какой-нибудь рогатый, трехголовый бог мутантов?

– Я так же, как и ты, многого не знаю, – ответил Громол. – Но послушай то, что я знаю точно...

И Громол стал рассказывать. По мере рассказа лицо Глеба вытягивалось все сильнее. Когда охотник закончил, Глеб тихо проговорил:

– Странные вещи ты мне рассказал, Громол. Чего же ты хочешь от меня?

– Я не могу действовать в вашем мире, Глеб. Не могу, ибо принадлежу иному.

– Да-да, я помню, – кивнул Глеб. – Туннель света, голоса умерших родных, и все такое... Ты – призрак. Дух. А то, что я с тобой разговариваю, свидетельствует лишь о том, что я свихнулся или допился до «белочки». Одного не понимаю, что я-то могу сделать?

Громол сунул левую руку в широкий карман охотничьей куртки и сказал:

– Я хочу тебе кое-что дать. Но будь с этой вещью осторожнее. Она способна погубить тебя.

– В ваших диких краях человека способна погубить любая вещь, – мрачно изрек Глеб, глядя на карман охотника. – Доставай уже, не томи.

– Хорошо. – Охотник Громол чуть прищурил серые, спокойные глаза и вынул руку из кармана.

Глеб уставился на его руку и спросил:

– И что там такое?

– То, что убьет многих, – мрачно ответил Громол и вдруг выхватил из ножен кинжал и с размаху взрезал Глебу бедро.

– Черт! – вскрикнул Глеб, отшатнувшись. – Ты что, рехнулся?! Что это значит?!

Охотник отложил кинжал и быстро сжал пальцами края свежей раны.

– Ты должен кое-что сделать, Первоход, – сказал он, глядя Глебу в глаза. Затем поднес к его лицу левую ладонь. На ладони лежал маленький серый предмет размером чуть меньше горошины.

– Что это за дрянь? – морщась от боли, спросил Глеб.

Громоул улыбнулся и спокойно проговорил:

– Это наше спасение. Или – наша гибель.

3

Порочный град жил своей развеселой жизнью. Отстроенный близ границы Гиблого места, был он настоящей отдушиной для купцов, богатых землепашцев да богатых мастеровых, которые стекались сюда со всего княжества, чтобы забыть о ярме княжских законов и тяготах ежедневной жизни.

Княжьи указы в Порочном граде не действовали. В обмен на такую вольность отцы-основатели Порочного града платили князю богатую дань, отдавая ему едва ли не четвертую часть всего дохода. А доход был немалый.

Два купца, сидевшие в главном кружале, воздух которого был пропитан винными, квасными и водочными парами, прибыли в Порочный град издалека.

Один из них, прокопченный и широколицый, как степняк, по прозвищу Чернява, бывал тут и раньше. А второй – белокрысый Мелидух – попал в Порочный град впервые. Попивая водку, Мелидух то и дело таращился по сторонам водянистыми глазами и покачивал головой, удивляясь тому, что видел вокруг. А посмотреть было на что.

На одном из деревянных помостов танцевала, вихляя полными бедрами, полуголая баба с тремя грудями. Мелидух уже слышал, что уроков привозят сюда из Кишень-града, в котором обитают лишь призраки да нелюди. Но сам видел уродку-нелюдя впервые.

– Слышь-ка, Чернява, – тихо заговорил Мелидух, – а что, тут и впрямь можно побаловать с девкой-нелюдью?

Опытный Чернява лукаво прищурился.

– Отчего ж нельзя – можно. Тут для этого дела комнатки особые есть.

– И как? – спросил, краснея, Мелидух. – Случалось тебе с нелюдью... того?

Чернява покачал головой:

– Нет, друг. Боюсь я их. Они только с виду как простые бабы. А стянешь с них рубахи – то три титки, то четыре руки. А то девка как девка, но раскроет пасть, а там – гадючий язык! – Чернява вздохнул: – Не по мне такое баловство, друг. А ты, коли хошь, попробуй.

Белокрысый Мелидух смущенно заерзал на скамье.

– Хорошая вещь водка, – сменил он тему разговора. – Отчего это, интересно, у нас в княжестве ее не продают?

– Бава Прибыток никому ее секрет не сказывает. Чтобы только тут пить можно было.

– Бава тут всему хозяин?

Чернява кивнул:

– Угу. Он и другой торговый человек – Крысун. Самые богатые купцы в нашем княжестве.

Мелидух увидел, что к деревянной стойке кружала подошел парень и уселся на скамью. Вид у него был странный. Вместо кафтана – меховая куртка. Вместо яловых сапог – ичиги. На широком кожаном поясе – меч, кинжал и сумка с торчащей из нее деревяшкой. Волосы длинные, борода – короткая, обстриженная, а взгляд – тяжелый и недобрый.

– Это кто ж такой будет? – спросил Мелидух у Чернявы.

Тот глянул на парня и прищурил черные хазарские глаза.

– А ты не знаешь?

Мелидух покачал белобрысой головой:

– Нет.

– Сразу видать, что ты тут впервой. Это Глеб-Первоход. Пять лет назад он пришел в Хлынь неведомо откуда. Князь полонил его и бросил в подземелье. А потом дочка князя захворала, и ей понадобилась пробуди-травка из Гиблого места. Князь отправил туда Глеба. Вот с тех пор его и кличут Первоходом. Оттого, что он первый прошел все Гиблое место.

Мелидух взглянул на парня с еще бóльшим интересом. Поглазел-поглазел, а потом снова поглядел на Черняву и спросил:

– Я слыхал, нынче в Гиблое место многие ходят?

– Точно, – кивнул Чернява. – Но не сами, а с ходоками.

– А ходоки – это кто?

– Те, которые людей в Гиблое место водят.

– А зачем водят-то?

– Известно зачем – за кудесными вещами. Сказывают, тыщу лет назад с неба на землю упал бог. Теперь там Гиблое место, а на нем – множество кудесных вещей. Пойдешь туда без ходока – назад не воротишься. Да и с ходоком сгинуть можешь.

Мелидух обдумал слова Чернявы и предположил:

– Я чай, ходоки-то золото лопатой гребут?

– За то, что людей в Гиблое место водят? – Чернява пожал плечами. – Да не шибко. Они больше на нечисти зарабатывают.

– Это как?

– Да так. Ловят в Гиблом месте нечисть – оборотней, упырей, нелюдей – да в Порочный град привозят. Продают Баве Прибытку и Крысуну, а доход – себе в карман.

– Состоятельные, стало быть, люди, – решил Мелидух. – А этот Глеб-Первоход – он небось самый богатый из них?

– Не знаю. Меня самого в Гиблое место никаким калачом не затащили бы. Да и Первоход уже с полгода людей в Гиблое место не водит. Поговаривают, живет на выселках и землю возделывает.

– Видать, не принесло ему Гиблое место богатства?

– Видать, так.

Купцы поухмылялись. Тем временем на один из деревянных помостов опустилась железная клетка. Народец вокруг пришел в возбуждение, мужики заревели, заорали, загоготали и затопали ногами.

Где-то что-то громынуло, и на помост выскочил зверь. Это было настоящее чудище, ростом больше самой большой собаки, а вместо собачьей морды у него было черное человеческое лицо.

– Это что ж за страшилище? – севшим от страха голосом спросил Мелидух.

– Волколак, – ответил Чернява.

И снова что-то громынуло. На помост выбежало второе чудовище. Оно было похоже на человека и двигалось на двух ногах.

– А это? – не веря своим глазам, спросил Мелидух.

– Нелюдь, – коротко ответил Чернява.

– И таких вот чудовищ ловят в Гиблом месте ходоки?

– Угу.

– Теперь я понимаю, почему Глеб-Первоход бросил свое ремесло и сделался землепашцем.

Лицо у нелюдя было красное и круглое, как закатное солнце, а на нем во все стороны торпорщились жесткие волосы. Голые красные руки нелюдя поросли такими же волосами и были толсты, как бревна.

– С виду совсем как человек, – заметил Мелидух. – Но уж больно страшен да здоров.

Чернява усмехнулся:

– Да. Нелюдь крепкий. Раньше таких и поймать было нельзя, а теперь, вишь, научились.

На помосте завязалась драка. Нелюдь увернулся от клыков прыгнувшего волколака, упал на пол и всадил волколаку в брюхо нож-косарь. Волколак пробежал еще несколько шагов, и по деревянному настилу за ним потянулась широкая красная полоса крови. Ткнувшись башкой в прутья клетки, волколак попробовал повернуться, но не смог. Жизнь стремительно вытекала из него вместе с кровью.

Нелюдь пошел к волколаку, чтобы добить его, но вдруг изменил направление и бросился на стену клетки. От мощного удара два прутка вылетели из деревянной балки.

Белокурый купец Мелидух, сидевший ближе всех к клетке, завопил и вскочил с места. Но нелюдь оказался расторопнее, одним прыжком настиг он купца и вонзил ему в шею нож-косарь. Брызнувшая струя крови окатила нелюдя.

Собеседник белокурого – смуглый Чернява – откинул лавку и рванулся к двери, но нелюдь поспел и тут. Одним прыжком урод догнал его, воткнул ему нож в поясницу и с хрустом провернул лезвие. Затем стряхнул купца с ножа, словно убитую крысу, и устремился на вопящих от ужаса, сбившихся в кучу посетителей.

С другой стороны зала тоже слышались вопли. Недобитый волколак, воспользовавшись суматохой, выбрался через дыру в клетке и набросился на княжьего писаря, толстенького мужичка с безбородым, отечным лицом.

В зале поднялась жуткая суматоха. Люди кричали и толкались, пытаясь пробраться к двери, а нелюдь с холодным спокойствием прыгал из стороны в сторону и наносил удары направо и налево.

Но вдруг что-то гроыхнуло, и волколак свалился на пол с разлетевшейся на куски головой.

– Эй, нелюдь! – крикнул зычный голос. – Стой где стоишь!

Урод остановился, держа в руке окровавленный нож-косарь, и взглянул на человека, стоявшего на столе с ольстрой в руке и целящегося ему в грудь.

– Первоход! – выдохнул нелюдь.

– Брось нож, или я продырявлю тебе башку! – сказал Первоход и прицелился нелюдю в уродливую голову.

Дюжие охоронцы повалили нелюдя на пол и стали заламывать ему руки. Но он вдруг стряхнул охоронцев и вскочил на ноги. Затем шагнул к Глебу и хрипло проговорил:

– Первоход, я искал тебя...

Гроыхнул выстрел. Нелюдь рухнул на пол с простреленной грудью, но снова попытался подняться. Глеб спрыгнул со стола, наступил уроду ногой на грудь и приставил дуло ольстры к его голове.

– Лучше не пытайся, – посоветовал он.

Нелюдь уставился на Глеба выпуклыми, налитыми кровью глазами и хрипло проговорил:

– Останови... – Он шумно сглотнул слюну и повторил: – Останови ее...

– Что? – не понял Глеб.

– Уйди, Первоход, – пробасил подоспевший начальник охоронцев. – Дальше мы сами.

Глеб опустил ольстру и отошел, позволяя охоронцам поднять нелюдя и оттащить его в загон.

– Останови ее... – надсадно прохрипел урод, ловя взглядом глаза Глеба. – Останови... Только ты сможешь...

– Кого? – нервно спросил Глеб. – Кого я должен остановить?

Нелюдь хрипло вздохнул, дернулся пару раз на руках у охоронцев и замер.

– Готов, – сказал один из них.

– Сдох, скотина, – подтвердил второй.

Глеб отвернулся и зашагал к деревянной стойке.

Специальные люди быстро вынесли из кружала тела убитых нелюдем купцов и растерзанного волколаком писаря, другие перевязали раненым гостям царапины и ссадины, а третьи замыли на полу кровь.

Охоронцы принесли новую клетку, а Бава Прибыток объявил, что всю ночь гости кружала будут пить за его счет. Не прошло и получаса, как веселье в кружале пошло прежним чередом.

4

Глеб поставил кружку на деревянную стойку и бросил в рот несколько соленых сухариков.

Приближение Бавы Прибытка он почувствовал спиной. За несколько лет регулярных путешествий в Гиблое место Глеб научился чувствовать опасность по напряжению шеи и того места, что расположено между лопаток.

Бава со своими псами-охоронцами встал рядом и сухо проговорил:

– Ну, здравствуй, Глеб-Первоход.

– Здравствуй и ты, купец Бава, – ответил Глеб, не поворачивая головы.

Он взял с деревянной стойки кружку и отхлебнул холодного пива.

Бава подождал, пока он выпьет, после чего спросил:

– Зачем пришел, Первоход?

Глеб покосился на купца и уточнил:

– А тебе что-то не нравится, Бава?

– Где ты, там беда, – ответил Бава недовольным голосом. – Стоило тебе появиться, и нечисть учинила резню.

– Хочешь сказать, что это я выпустил уродов из клетки? А может, это я купил для клетки гнилые балки? Жадность тебя когда-нибудь погубит, Бава.

Спина и шея Глеба снова напряглись. Он не смотрел на охоронцев Бавы, но точно знал, где они стоят и как себя поведут, ежели Бава отдаст им приказ атаковать. Хотя на это Бава Прибыток, скорее всего, не решится. Не в его это интересах. И не в его правилах.

Немного помолчав, хозяин Порочного града примирительно проговорил:

– Ладно, Глеб, не держи на меня зла. Я сегодня с утра не в духе. А тут еще это. Пей, гуляй, веселись. А как нагуляешься, приходи ко мне в контору. Может, найду для тебя работу.

Он хотел идти, но заметил, что в кружке у Глеба не водка.

– Ты перешел на пиво? – удивленно спросил купец. – Неужели на водку нет денег? Озар, налей ему стакан водки за счет заведения.

– Не стоит, – сказал Глеб.

– Что?

– Я больше не пью водку, Бава.

– Как так?

Глеб усмехнулся.

– Решил заняться своим здоровьем. Шейпинг, диета, бег трусцой... В общем, ты понимаешь. – Он подмигнул Баве и вновь приложился к кружке.

Бава недоуменно сдвинул брови. Потом усмехнулся.

– Никогда не мог понять твои шутки, ходок. Ладно. Наслаждайся вечеринкой.

Хозяин кружала дал знак охоронцам, повернулся и зашагал обратно через зал. Охоронцы, как хорошо вымуштрованные псы, побежали за ним, свирепо и подозрительно оглядывая публику.

Глеб отхлебнул пива, поставил кружку на деревянную стойку, сгреб из тарелки горстку соленных сухариков и забросил их в рот.

После последнего похода в Гиблое место он уехал подальше от Порочного града и полгода жил анахоретом, постреливая в лесах дичь, попивая водку и приводя нервы в порядок.

Из последнего похода в Гиблое место Глеб вернулся без своего заказчика. Ученый муж Тимофей Лагин, прибывший не то из Моравии, не то из Болгарии, сгинул в чащобе. Мечтал Лагин научиться делать золото из железа. И где он теперь – одному лешему известно.

Глеб поднял кружку и выпил глоток пива за Лагина.

Пожевывая соленный сухарик, он вновь вспомнил про последний поход. Колдун Осьмий, которого Глеб разыскал в Гиблом месте, обещал Глебу вернуть его домой, в родной двадцать первый век. Но вместо этого погрузил в сон, столь реальный, что Глеб не сразу сообразил, что спит. Только помощь высших сил помогла Глебу проснуться и прикончить страшного колдуна.

Пусть теперь черти жарят его в аду!

Глеб поднял кружку и выпил глоток за это.

И снова Глеб вспомнил про алхимика Лагина. Совесть Первохода была беспокойна. Для опытного ходока нет ничего хуже, чем не вывести заказчика из Гиблого места. Хорошо хоть приبلудших бродяг – мальчишку и старика – вывел целыми и невредимыми.

Глеб отпил глоток пива за их здоровье.

Думал, на душе станет спокойнее, но не помогло. В сердце снова засадила тупая игла. Теперь он думал о Дионе. В последнем походе девушка-нелюдь здорово помогла им. А он, вместо благодарности, вернул ее сородичам, от которых она сама сбежала год назад.

Глеб сжал пятерней кувшин с прохладным пивом и угрюмо пробормотал:

– Мутантка должна жить с мутантами. Я поступил правильно.

Он снова наполнил пивом кружку. Выпил, поднял взгляд на целовальника и окликнул:

– Озар! Еще кувшин и закуску!

Бородатый верзила кивнул и нагнулся к погребку с ледником. Несмотря на мощные габариты, Озар был расторопен: не прошло и минуты, а перед Глебом уже стояла тарелка с вяленой рыбой и другая – с маринованным в уксусе луком.

Затем Озар достал с ледника кувшин с пивом.

– Как твой племяш? – поинтересовался Глеб. – Все еще хочет стать ходоком?

Озар покачал головой:

– Нет.

– Что так?

– Его переубедили.

– Кто?

– Нашлись добрые люди.

Озар взял мокрый оловянный стаканчик и принялся протирать его перекинутым через плечо полотенцем. Глеб посмотрел, как он протирает, и насмешливо спросил:

– Парень, наверно, расстроился?

– Ничего, – продолжая протирать стаканчик, ответил Озар. – Здоровее будет, да и проживет дольше.

– Это верно, – согласился Глеб. – Ходоки долго не живут. За тебя, здоровяк!

И Глеб приложился к кружке. Пиво приятной прохладной волной пробежало по пищеводе.

– Кузнец Вакар давно к вам не приезжал? – спросил он у Озара.

Тот на мгновение остановился, затем метнул на Глеба быстрый взгляд и тихо спросил:

– А ты ничего не знаешь?

– А что я должен знать?

– Нету больше кузнеца. Нелюдь вышла из леса, схватила Вакара и утащила его в гиблый город.

– Зачем это? – ошеломленно вскинул брови Глеб.

– Кто знает, – загадочно произнес Озар. Он помедлил и добавил: – Слышал я еще, что сперва нелюди схватили дочку Вакара – Ольстру. Вакар дочку отбил, но себя не уберег.

– И что с Ольстрой? Она жива?

– Жива. Уехала к матери в село и родила там сына.

Лицо Глеба вытянулось от удивления.

– Как родила? От кого?

– Говорят, от нелюдя. Снасильничал ее подлый нелюдь, и девка понесла.

Глеб нахмурился. Поскреб пальцами небритую щеку. Озар отвернулся и продолжил с озабоченным видом протирать полотенцем оловянные стаканчики.

– И что же сельчане? – спросил Глеб. – Не пробовали побить Ольстру камнями или что-нибудь в этом роде?

– Камнями не били, – тихо отозвался Озар. – Девка сама себя наказала. Бросилась животом на вилы.

Глеб слегка побледнел.

– И что?

– Да ничего. Крови, слышал, натекло полное ведро. А ей хоть бы хны. Будто сила ее какая оберегает.

Глеб потянулся за кувшином, но на полпути остановился и задумался. Затем глянул на Озара и спросил:

– И ты в это веришь? В то, что Ольстру обрюхатил нелюдь?

Озар вздохнул.

– Нынче такое смутное время, что уже и не знаешь, чему верить, а чему нет.

– Странно, однако, что Ольстру оставили в покое, – заметил Глеб.

– Да ничего в том странного нет, – возразил Озар. – У нас тронуть самогубца – великий грех. А Ольстра на вилы прыгнула. Стало быть, себя сгубить хотела.

Глеб помолчал.

– Что вообще нового в княжестве?

– В княжестве-то? – Озар глянул на Глеба исподлобья. – Непокойно в княжестве, Первоход.

– Что так?

– Слышал небось про ватагу атамана Самохи?

Глеб отрицательно покачал головой:

– Нет. А кто это?

– Самоха – бывший ратник поморского князя. При своем князе он ходил в большом чине. А потом дочку его совратил и в бега подался. И теперь вот орудует у нас. Сколотил шайку из отчаянных людишек и беглых полонцев... Да что полонцы – многие ходоки за ним пошли. Остяк Костолом, братья Барсуки, Воропай, Глызя... Да всех и не перечислишь.

По лицу Глеба пробежала тень.

– Никогда я Остяку и Барсукам не доверял, – угрюмо проговорил он. – Чем же их так привлек Самоха?

Озар хмыкнул.

– Известно чем. Лют, удал и предела не знает. А князь на его лихачества сквозь пальцы смотрит.

– Почему так?

– Считается, что Самоха со своими ребятами княжьи границы от ворога обороняет.

– Что ж ему князь Егра – из казны платит?

– Какое там. Самоха сам кому хошь приплатит. Разжирел на заказах-то.

– А заказы откуда?

– Откуда всегда. От Бавы Прибытка и Крысуна. Самоха со своими ватажниками за один раз столько оборотней и нелюдей ловит, сколько ты и твои друзья-ходоки за два месяца поймать не могли.

– Как же у него получается?

– А у него есть свора поморских охотничьих псов. Псы те и посуху ходят, и по воде плавают. Расставляет Самоха ловушки, а псы в те ловушки лесную нечисть гонят.

– И всех продает Баве с Крысуном?

Озар покачал головой:

– Нет. Каких-то продает, а с какими-то сам развлекается.

– Это как? – не понял Глеб.

– Перед Гиблым местом, у самой межи, есть поляна. Самоха огородил поляну буреломом. Ловит оборотней, упырей да нелюдей и внутрь пускает. А потом велит им промеж собой драться.

Глеб помолчал. Потом угрюмо проговорил:

– Патриций хренов. Совсем нечисть озверевает от их забав.

Озар нахмурился, быстро глянул по сторонам, чуть нагнулся и почти прошептал:

– Люди сказывают, нечисть из Гиблой чащобы в стаи сбивается. Поговаривают, что объявился у нелюдей храбрый вождь по кличке Бычеголов.

Глеб задумался. Его вдруг охватило тревожное ощущение надвигающейся беды. Нелюди к чему-то готовятся. Но к чему?

– А как твои шрамы, Первоход? – спросил вдруг Озар. – Стало ли их меньше?

Глеб усмехнулся, закатал правый рукав и показал Озару предплечье. Целовальник, шепча губами, пересчитал шрамы.

– Восемь?

Глеб кивнул:

– Да. Двух уже нет.

– Стало быть, впереди у тебя еще восемь испытаний? И что потом? Надеешься вернуться в свой мир?

– Возможно.

Целовальник усмехнулся:

– И ты в это веришь?

– А мне больше не во что верить, Озар.

– Что ж... Пусть боги поскорее вернут тебя домой. И пусть оставшиеся испытания не будут такими страшными, как прежние. Кстати, это не твой ли дружок тащится сюда?

Глеб повернулся к двери и просветлел лицом.

– Хомыч! – радостно окликнул он. Затем повернулся к Озару и сообщил: – Это бродяга Хомыч!

– Да уж вижу, – усмехнулся целовальник. – Он тут отирается каждый вечер. Если бы не ты, я бы вышвырнул его отсюда. – Заметив, как изменилось лицо Глеба, целовальник добавил: – Не обижайся, Первоход. Ты знаешь, что хозяин терпеть не может, когда по его кружалу разгуливают нищие бродяги.

Глеб встал со скамьи и шагнул навстречу сторбленному старику. Обнял его за плечи и с улыбкой проговорил:

– Привет, Хомыч!

Старик поднял на Глеба слезящиеся глаза и что-то тихо пробормотал.

– Ты что, не узнаешь меня? – удивленно спросил Глеб.

– Прости, господин... – тихо пробубнил старик. – Я слишком стар и путаю лица... А мы встречались?

– Да.

– Прости, но я не помню тебя.

Несколько секунд Глеб вглядывался в морщинистое лицо Хомяча, затем достал из кошелька две золотые монеты и сунул их в руку старика.

Старик посмотрел на монеты, и на лице его отобразился испуг.

– Господин, я все равно пропью их, – пробормотал он.

– Делай с ними что хочешь, – твердо сказал Глеб. – Они твои.

– Пусть к тебе благоволят боги, добрый человек! – Старик сжал монеты в руке, повернулся и заковылял к выходу.

– Куда ты, Хомяч? – удивленно окликнул Глеб.

– Хочу потратить эти деньги, – пробормотал старик через плечо. – Но не здесь. Этот остолоп Озар никогда не получит от меня ни копейки.

Старик ускорил шаг и вышел из кружала. Глеб уныло посмотрел ему вслед и вернулся за стойку. Озар криво усмехнулся и сообщил:

– Старик совсем сбрендил. Говорит одними и теми же словами. Постоянно повторяется.

– Я знаю кучу людей, которые делают то же самое, будучи абсолютно здоровыми, – сухо возразил Глеб. – Если я узнаю, что ты обидел его, я... В общем, ты понимаешь.

– Если он под твоей защитой, я не трону его и пальцем, – заверил Глеба верзила-целовальник. – Но я не могу отвечать за охоронцев.

Озар повернулся и отошел на другой конец стойки, чтобы обслужить нового гостя.

5

Ученый муж Лагин брел по Порочному граду, сунув руки в карманы длинного потертого камзола. Ветер развеивал и трепал его длинные седые волосы. Черные брови Лагина были сдвинуты, а в глазах застыло выражение величайшей озабоченности.

Он снова и снова прокручивал в голове свою встречу с колдуньей Мамелфой, которая случилась почти полгода назад.

Почему Мамелфа обратила на него свой взор? Почему не дала ему помереть от страшной раны? Лесная колдунья сделала ему щедрый подарок, но что она получила взамен?

Лагин поежился на ветру. Он чувствовал, что грядет что-то страшное.

Иногда, надевая по утрам рубаху, Лагин останавливал взгляд на багровом шраме, пересекающем всю его грудь. Он вспоминал, как Мамелфа занесла над ним свой нож, но воспоминание это было смутным и совсем не пугало Лагина. Пугала неизвестность.

Один ли он такой? Сколько живых сердец собрала лесная колдунья? И если другие такие же, как он, бродят по свету, то где они? Как их найти?..

Вопросы, вопросы, вопросы... И ни одного ответа.

Нынешнюю ночь Лагин провел как обычно. Слонялся по дорогам, селам и лесам. Добычи не было, поэтому он был рад, когда увидел неподалеку от главного кружала старенького бродягу.

Двери кружала были такими же, как и неделю назад, но над ними, рядом с бычьим черепом, висела огромная доска, а на ней было густо намалевано черной краской:

ТАВЕРНА «ГИБЛОЕ МЕСТО»

Лагин усмехнулся. «Таверна»! Видать, кто-то из путешественников посоветовал. Хозяин Порочного града, Бава Прибыток, явно не чурался новизны и охотно перенимал у чужеземцев все новое.

Лагин откинул с лица длинную седую прядь и подошел к бродяге. Тот, сидя на бревне, что-то задумчиво и пьяно бормотал себе под нос. Услышав Лагина, он даже не поднял головы, настолько был погружен в свои мысли. Лагин улыбнулся: похоже, сегодня на обед ему попался настоящий философ.

Он присел рядом со стариком на бревно, обнял его рукою за плечо и притянул к себе...

...Когда все было кончено, Лагин привычно обшарил карманы жертвы, чтобы в дальнейшем убийство списали на воров и разбойников, каковых было множество в Порочном граде и его окрестностях.

Найдя в одном из карманов мертвого бродяги золотую монету, Лагин присвистнул от удивления. Хорошо живут в Порочном граде голоштанники. Должно быть, бродяга эту монету где-нибудь слямзил. Что ж, поделом вору и мука.

Лагин сунул монету в карман, поднялся с бревна и зашагал к кружалу.

* * *

Войдя в кружало, Лагин поморщился от шума голосов, барабанов и дудок, глянул на деревянный помост, на котором извивались в танце голые самки-нелюди, усмехнулся и пошел к стойке.

И вдруг снова остановился и оторопело уставился на сидевшего за стойкой мужчину. Это был Глеб-Первоход.

Несколько месяцев назад Лагин пытался разузнать хоть что-нибудь о судьбе Первохода. Однако никто не ведал, куда тот подевался, и Лагин решил, что ходока сожрали оборотни или упыри.

И вот он сидит – слегка пообносившийся и пообтрепавшийся, но загорелый и внешне вполне здоровый. А из кобуры, притороченной к кожаному охотничьему кушаку, торчит приклад ольстры.

Глеб-Первоход – опасный противник, он чует лесную тварь за версту. Хотя с Дионой он, похоже, дал маху. А значит, и здесь ничего не заподозрит.

Лагин улыбнулся.

– Эй, Первоход! – весело окликнул он. – Выпьешь со мной?

Глеб повернулся. Брови его изумленно взлетели вверх.

– Лагин! – выдохнул он. – Ученый муж!

– Я! Здравствуй, Первоход!

Тимофей Лагин шагнул к Глебу. Они обнялись.

– Черт, Лагин! Я-то думал, что ты погиб. А ты живой! Прямо как гора с плеч! – Глеб взгляделся в лицо ученого мужа. – А ты будто помолодел. Где же твои очки, ученый муж?

– Потерял, – со смехом сказал Лагин. – Но, как выяснилось, я неплохо вижу и без них.

Глеб хлопнул ладонью по пустой скамье рядом с собой.

– Садись!

Лагин уселся на скамью.

– Выпьешь со мной пива? – предложил Глеб.

Ученый муж отрицательно покачал головой:

– Нет. Ты же знаешь, я не пью хмельного. Вот красного сбитня, пожалуй, выпью. Эй, Озар! – окликнул он целовальника. Тот подошел к стойке и кивнул Лагину. – Дай мне холодненького, на красных травах!

– Сделаю. – Целовальник потянулся к бочке, и вскоре высокая деревянная кружка с холодным сбитнем стояла перед Лагиным. Ученый муж отхлебнул сбитня и облизнул сладкие губы.

Глеб неотрывно смотрел на Лагина. Казалось, он не верил своим глазам.

– Полгода назад я водил тебя в Гиблое место, – снова заговорил Глеб. – Мой путь лежал на Пепельный остров, и я оставил тебя и двух бродяжек в защищенном месте. Когда я вернулся, тебя на поляне не было. Мы искали тебя два дня, но не нашли. И вот ты сидишь передо мной – живой и посвежевший. Что с тобой случилось, ученый муж?

– Заблудился, – просто ответил Лагин. – Пошел в лес по нужде и заблудился. Проплутал всю ночь и весь день, а потом... Потом нашлись добрые люди и вывели из чащобы.

Глеб усмехнулся.

– Добрые люди? В Гиблом месте?

– Ну, пусть не добрые. Я мало что помню. Возможно, меня вытащили ходоки. В боку у меня была рана, от которой я едва не помер. Но, слава богам, обошлось.

Глеб прищурился:

– Слава богам? Разве ты больше не христианин?

– Опять ты цепляешься к словам, – с улыбкой проговорил Лагин. – Я просто оговорился. Господь помог мне, вывел меня на тропу и защитил от лесной нечисти. Так что веры во мне теперь в два раза больше, чем до того похода.

– В этом я не сомневаюсь, – сказал Глеб и наполнил пивом свою кружку. – Как бы то ни было, но я рад, что ты жив. И не просто жив, а помолодел лет на десять.

– Помолодел? – Ученый муж засмеялся. – Значит, прогулка по Гиблому месту пошла мне на пользу!

Глеб выпил, закусил рыбой и хотел что-то сказать, но Лагин его перебил.

– Что же ты сделал с телом моего брата, которое мы оставили у межи? – спросил он.

Глеб нахмурил лоб и ответил:

– Я его похоронил. Отвез подальше от Гиблого места и похоронил. Нетленное тело твоего брата стало тлеть. Так же, как тела других нетленных.

– Значит, ты развеял чары колдуна?

Глеб усмехнулся.

– Выходит, что так. Ну а как твои опыты? Ты ведь, кажется, собирался осчастливить людей золотым дождем.

– Я потерял рецепт в лесу, – сказал Лагин. – Вместе с котомкой.

– Но ты, кажется, не очень расстроен?

Лагин отхлебнул сбитня и вздохнул.

– Сначала был. А потом понял – раз так получилось, значит, то было угодно Господу. В любом случае, меня теперь интересуют совсем другие вещи.

– Какие, например?

– Например, бессмертие.

На секунду кружка замерла в руке Глеба. Он прищурил золотисто-карие глаза и насмешливо проговорил:

– Все еще хочешь облагодетельствовать человечество? Сперва ты мечтал озолотить людей. А теперь жаждешь подарить этим подлецам бессмертие?

– У каждого свой путь, Первоход, – ответил Лагин. – И довольно об этом. Лучше расскажи, как твои дела? Все ходишь в Гиблое место? Охотишься на упырей да волколаков?

– Я только сегодня прибыл в Порочный град, – сказал Глеб. – И пока не знаю, чем займусь.

– Вот как? – Лагин вздохнул. – Что ж, надеюсь, у тебя все будет хорошо.

У Лагина вдруг возникло острое желание рассказать Первоходу правду о своем обращении. Вдруг Глеб поможет? Ведь он ходок, ему известны все секреты, которые скрывает Гиблое место. Вдруг он знает какую-нибудь траву, которая поможет Лагину снова стать человеком. Или найдет подходящий амулет.

Стать человеком... Лагин вспомнил, как сам сорвал с груди серебряный крестик, как произнес потом Божье имя и как это имя обожгло ему гортань. Вспомнил – и в сердце у него засадила тупая игла.

Возможно, Господь еще не проклял его. Возможно, все еще можно изменить. Лагин кашлянул в кулак и неуверенно начал:

– Знаешь, Глеб, я хотел тебе сказать, что...

К стойке подошла девочка в платке и меховой телогрейке.

– Дядя Первоход! – окликнула она Глеба. – Батюшка просил меня принести из помощной избы бересту с подсчетами, а я боюсь одна выходить на улицу. Проводите?

– Охоронцев бы попросила, – недовольно обронил Глеб.

– Я просила, говорят – потом. А батюшка велел быстро.

Глеб с досадой посмотрел на свою кружку. Идти из теплого, шумного кружала в холод и темноту ночи ему явно не хотелось. Однако не отозваться на просьбу девочки-подростка ему было стыдно. Глеб уже начал вставать с табурета, как вдруг Лагин сказал:

– Я могу тебя проводить, девочка. Если, конечно, ты не против.

Девочка с сомнением посмотрела на Лагина.

– Она не против, – сказал Глеб. – Светланка, этот человек – мой друг. Зовут его дядя Лагин. Можешь доверять ему, как мне.

Девочка улыбнулась:

– Хорошо, дяденька Первоход.

Лагин допил сбитень и отодвинул от себя кружку. Затем потянулся в карман за кошельем. Доставая кожаный кошелек, он не заметил, как из кармана вывалилась золотая монета и со звоном упала на пол.

Глеб нагнулся и поднял монету.

– Золотой солид? – удивленно сказал он. – Лохмато живешь! Выходит, ты богат?

– Не то чтобы, но... – Лагин натянуто улыбнулся. – Удастся кое-что заработать.

– Интересно, как?

– Я ведь ученый, Глеб. Кому смешаю эликсир от поноса, кому слажу новый колесный обод, который катится без стука. Многого могу.

Глеб перевернул в пальцах монетку и глянул на изображение короля англосаксов.

– Король Кенвульф? Редкая в наших краях монета.

– Ты же видел такую раньше, значит, не такая уж редкость. – Лагин взял монету с ладони Глеба и сунул ее в карман. Затем поднялся с табурета.

– Еще вернешься? – спросил его Глеб.

– Само собой, – улыбнулся Лагин. – Пошли, Светланка!

Ученый муж взял девочку за руку, и они вместе пошли к двери.

6

На улице было темно и ветрено. Ветер гнал по небу клочковатые мороки. Изредка выныривала из-за мороков ущербная луна, но светила тускло и призрачно.

– Дяденька Лагин, – обратилась к ученому мужу девочка, шагая по тропке, – а ты правда друг Первохода?

– Правда, – кивнул Лагин. – А почему ты спрашиваешь?

– Ты какой-то странный. И я... Я почему-то тебя боюсь.

Лагин улыбнулся.

– Напрасно. Я хороший человек. Такой же, как Первоход. Хочешь докажу?

– Хочу. А как?

Лагин остановился и положил руку на плечо девочки.

– Посмотри мне в глаза, – попросил он.

Светланка подняла голову и взглянула на Лагина снизу вверх.

Лагин увидел на шее девочки маленькую голубоватую жилку. Голова у него закружилась, а кишки и желудок скрутил болезненный спазм. Дикое желание захлестнуло Лагина, и он понял, что не сможет ему противиться.

Лагин быстро глянул по сторонам, затем снова взглянул на девочку и сказал:

– Хочешь, я открою тебе один секрет?

– Хочу, – пролепетала юная глупышка.

Лагин присел на корточки, взял девочку пальцами за подбородок и отвел ее голову слегка в сторону, обнажая шею. Однако ученый медлил. Медлил, потому что в душе его, черной и выгоревшей, как след от костровища, шла страшная борьба.

«Нет! – сказал себе Лагин. – Ты этого не сделаешь. Глеб поможет. Он снимет проклятие, которое наложила на тебя колдунья, и вернет тебе прежнюю жизнь! Только удержись!»

Лагин закусил губу и с силой отвел взгляд от шеи девочки.

– Что-то случилось? – услышал он спокойный голос Глеба-Первохода.

Ученый муж быстро оглянулся. Глеб стоял в нескольких шагах от него. В пальцах ходока дымилась бутовая самокрутка.

Лагин растянул губы в улыбку.

– Да нет, – сказал он. – Просто у Светланки закружилась голова.

– И ты решил сделать ей искусственное дыхание?

Несколько мгновений они молча глядели друг другу в глаза. Первым молчание нарушил Лагин.

– Почему ты так смотришь на меня, Первоход? – спросил он.

Глеб как бы невзначай положил пальцы на кобуру, и это не укрылось от внимательного взгляда Лагина.

– Золотая монета короля Кенвульфа, – сказал Глеб.

– Что? – не понял Лагин. – Монета? О чем ты, Первоход?

– Этот золотой я отдал старику Хомычу. Как он оказался у тебя?

Лицо Лагина оцепенело. Вот оно что! Значит, бродяга, которого он убил, был Хомычем! Выходит, он убил бывшего друга и даже не заметил этого. Лагин качнул головой и пробормотал дрогнувшим голосом:

– Чепуха. Это мой золотой.

– Допустим. – Глеб прищурил недобрые глаза. – Но есть еще кое-что.

– Что?

– Я видел твои клыки, вурдалак.

Лагин стер с губ улыбку.

– Я не понимаю тебя, ходо. Ты хочешь меня в чем-то обвинить?

Еще несколько мгновений Лагин и Глеб угрюмо смотрели друг другу в глаза. Глеб – с угрюмым удивлением, Лагин – с досадой.

«Как не вовремя, – сокрушенно подумал ученый муж. – Ну почему мне так не везет?.. Что ж, видно, не судьба».

Он оттолкнул девчонку и бросился на Первохода.

Клыки щелкнули у самого уха Глеба. Глеб перевернулся через голову, выхватил из кобуры ольстру и нажал на спусковую скобу. Лагин рыкнул и дернул головой – пуля попала ему в левую щеку и прошла навывлет.

Краем глаза Глеб увидел, как перепуганная Светланка бросилась к кружалу.

Ольстра Глеба громыхнула еще дважды, однако Лагин с невероятной быстротой отскочил в сторону и растворился в воздухе.

Глеб удивленно воззрился на то место, где только что был ученый муж, и глухо пробормотал:

– Черт... Такого я еще не видел.

На шум из кружала высыпала компания охоронцев. Увидев лежащего на земле Глеба, охоронцы заухмылялись.

– Эй, Первоход! – окликнул один из них. – В кого это ты тут палишь?

– Да вот, решил подстрелить луну, – отозвался Глеб, держа палец на спусковом крючке ольстры и внимательно глядя по сторонам.

– А которую из двух? – весело осведомился третий.

Охоронцы засмеялись.

И тут что-то пронеслось мимо Орлова, подобно темному вихрю, обдав его волной холодного воздуха. Глеб отдернул голову и быстро откатился в сторону, держа ольстру наготове.

– Эй, ходок, – удивленно спросил один из охоронцев, – чего это ты кувыркаешься?

Несколько секунд Глеб настороженно вглядывался в темноту, а затем, поняв, что Лагин ушел, убрал ольстру в кобуру. Ощущение опасности пропало.

На улицу вышли мужики из посетителей.

– Кто громыхал? – спросил один.

– Первоход хотел подстрелить морок, а попал в луну! – ответил ему охоронец. – Видишь, какая дырявая!

Охоронцы и мужики загоготали. Глеб поднялся с травы и отряхнул штаны.

– Больше в луну не стреляй, – насмешливо попросил парень-охоронец. – Она, пожалуй, нам еще сгодится.

– Смотри, как бы в следующий раз я не спутал луну с твоей круглой физиономией, – пригрозил ему Глеб.

Поправив на поясе кобуру, он повернулся и зашагал прочь от кружала, над дверью которого красовалась доска с жутковатой надписью: ТАВЕРНА «ГИБЛОЕ МЕСТО».

Странные дела творились к Хлынском княжестве. Странные и тревожные. Сперва украли кузнеца. Потом появился охотник Гроمول со своим жутким рассказом и не менее жутким предложением. А теперь вот оживший и превратившийся в упыря Лагин бродит по городу, щелкая собачьими клыками.

Что все это значит? Что за игру затеяли злые силы и какое место в этой игре уготовано ему, Глебу-Первоходу?

Ответа никто не даст, а значит – придется добыть его самому.

Вдруг спина и шея Глеба напряглись. Он остановился и молниеносно выхватил из кобуры ольстру.

Слева раздался легкий шорох. Глеб резко повернулся и нажал на спуск.

Пуля сбила с куста бузины сухую ветку. Держа палец на спусковом крючке, Орлов прислушался. Ни стоны, ни хрипа, ни шороха. Ничего.

Он прошел к кустам, наклонился и поднял с земли клочок темной шерсти. Потер его в пальцах, затем поднес к лицу и осторожно понюхал. Пахло серой.

Глеб быстро огляделся по сторонам, но ничего подозрительного не заметил. Однако он был убежден, что за ним кто-то следил. Кто-то, кто умеет передвигаться быстро и бесшумно, оставляя после себя темную шерсть и воняя серой. И это явно был не Лагин.

Ученый муж Тимофей Лагин хорошо помнил, что с ним приключилось в Гиблом месте в ту страшную ночь.

Он помнил, как проснулся посреди ночи, услышав чей-то тихий голос. Проснулся, глянул по сторонам, увидел похрапывающего во сне старика Хомяча, сладко посапывающего мальчика Прошку и ходока Глеба, который лежал на траве с закрытыми глазами и грудь которого так тихо и незаметно вздымалась, будто он вовсе не дышал.

И снова чей-то далекий голос позвал его:

– Лагин...

«Что же это? – растерянно подумал ученый муж. – Кто это зовет меня в ночи?»

И вдруг он с удивлением понял, что не стоит на полянке, а тихонько крадется по лесу – крадется на зовущий его издалека голос.

Лагин остановился и испуганно поправил очки. Да что же это? Как осмелился он уйти от своих друзей? И куда – в Гиблую чащобу, полную темных тварей!

Где-то далеко завыл оборотень. Потом засмеялась леденящим душу смехом спуржун-птица. Лагин передернул плечами и быстро перекрестился.

– Господи Иисусе, защити от дьявольских напастей! – прошептал он.

И тут голос снова позвал его.

Противиться было невозможно. Голос звал и манил. Краешком сознания Лагин понимал, что делать это нельзя, и молил Бога, чтобы рядом появился Глеб-Первоход и защитил его от этого голоса. Но Первоход не появлялся. Рассчитывать было не на кого.

Не найдя в себе сил сопротивляться, Лагин снова побрел по ночному лесу – навстречу чудному голосу.

Идти по чащобе было трудно. То и дело он оступался и падал, но вставал снова и продолжал свой путь. Вскоре одежда на нем была порвана, руки, шея и щеки ободраны в кровь, а стекла очков покрылись сеточкой трещин.

Однако ученый муж не замечал этих неприятностей. Он упорно шел вперед, и чем ближе был голос, тем сладостней и непреодолимей становился его зов.

Долго ли, коротко ли шел Лагин, но вот перед ним открылась небольшая полянка, и на той полянке стояла темная избушка. Окна избушки были темны, но Лагина это не смутило. Он знал, что зов идет из этой избушки, а значит, там кто-то есть.

Лагин поправил пальцем сползающие на нос очки и зашагал к крыльцу. Где-то в глубине разума мелькнула мысль о том, что зов может быть губительным и в избушке его поджидает опасность. Однако Лагин прогнал эту мысль как нелепую. Слишком красив и сладостен был зов.

Подойдя к избушке, ученый муж поднял руку и постучался в дверь.

– Входи, странник, – отозвался из-за двери женский голос.

Лагин смело толкнул дверь и вошел в избушку. Едва он переступил порог, как тяжелая дверь сама собой захлопнулась за его спиной, и Лагин почему-то понял, что не сможет ее открыть, даже если будет рубить темные доски топором.

Отвернувшись от двери, Тимофей увидел перед собой черного лохматого пса.

– Пропусти, Черныш, – тихо проговорил женский голос. – Это *свой*.

Пес отвернулся, тут же потеряв к Лагину интерес, протопал в угол горницы, улегся там на пол и положил морду на лапы.

Лагин взгляделся в полумрак горницы, освещенной светом лучин и отблесками огня. Увидев перед собой темный женский силуэт, Лагин улыбнулся и рассеянно проговорил:

– Вот я и пришел.

Язычок пламени вспыхнул ярче и осветил лицо женщины. Острые скулы, огромные темные глаза, густые черные волосы, стянутые на затылке. Лицо это показалось Лагину прекрасным.

– Кто ты? – тихо спросил он женщину.

Она взглянула на ученого мужа и сказала:

– Меня зовут Мамелфа.

– Мамелфа? – Лагин нахмурил лоб. – Я о тебе ничего не слышал. Почему я здесь? Это ты меня сюда привела?

Женщина кивнула:

– Да.

– Но зачем?

– Я хочу тебя спасти.

– Спасти?

В печи забурился котелок, от него по горнице пополз едкий, белесый дым. Ноги Лагина вдруг ослабели, и он покачнулся. Почувствовав в правом боку странную тяжесть, ученый муж потрогал бок рукою и удивленно отдернул руку. Одежда справа была мокрая, а на ладони осталось что-то темное. Лагин не сразу сообразил, что это кровь.

– Что это? – слабо пролепетал он, с изумлением глядя на испачканную кровью ладонь. – Я ранен?

Мамелфа посмотрела ему в глаза и спокойно ответила:

– Да. И рана твоя смертельна.

Колени Лагина задрожали, и он понял, что все это время чувствовал тупую, тянущую боль в боку. Видимо, один из тех двух оборотней, на которых они с Глебом-Первоходом наткнулись в чащобе, успел ударить его в бок когтями или цапнуть зубами.

– Боже праведный... – выдохнул Лагин. – Теперь я превращусь в оборотня?

Женщина, сидящая у очага, усмехнулась.

– Похоже на то. Ты потерял много крови, пока шел сюда, но даже не заметил этого. Ты умираешь, странник.

Лагин покачнулся, но устоял на ногах.

– Как я сумел дойти сюда с такой раной? – хрипло спросил он.

– Я помогла тебе, – ответила Мамелфа. – Зов, который ты слышал, придал тебе силы.

Лагин снова покачнулся и, не удержав равновесия, рухнул на влажные, гниловатые доски пола. Силы стремительно покидали его. Мамелфа встала с лавки и подошла к Лагину. Ее красивое, освещенное отблесками огня лицо нависло над ним, подобно луне.

– Ты хочешь жить? – спросила Мамелфа.

Лагин облизнул губы. Он почувствовал, как ноги и живот сковывает ледяной холод, и этот холод вселил в его душу такой страх, что он едва не закричал.

– Я спросила: хочешь ли ты жить? – повторила свой вопрос ведьма.

– Да... – выдохнул Лагин, морщась от боли. – Я хочу жить... *Я очень хочу жить.*

Черные глаза Мамелфы сузились.

– И на что ты готов ради этого пойти? – спросила она.

– На все, – ответил Лагин и закусил губу. – Мне... больно. Очень больно.

Ведьма сдвинула брови.

– Я это знаю. Боль твоя будет все лютее, и прежде чем умереть, ты успеешь насладиться ею сполна. Но ты можешь прекратить ее в любое мгновение.

– Как?

Мамелфа присела рядом с Лагиным, пристально посмотрела ему в глаза и предложила:

– Сними с шеи крест, и я помогу тебе.

«Нет!» – хотел сказать Лагин, но новый приступ невыносимой боли скрутил его. Боль была адская. Лагин застонал и, не в силах больше терпеть, схватил крестик, сорвал его с шеи и отшвырнул в сторону.

Пламя лучины вспыхнуло ярче, словно на него бросили ворох сухой травы. Лагин увидел, что Мамелфа держит в руках небольшую глиняную миску. Она осторожно, чтобы не расплескать, поднесла миску к губам Лагина.

– Выпей это!

Ученый муж сглотнул слюну и хрипло прошептал:

– Что это?

– Кудесная вода из Черного родника, настоящая на колдовских корнях. Она вернет тебе силы.

– Но ведь это... мертвая вода. Я стану живым мертвецом?

– Ты станешь живым. А это главное. Выпей настой и сразу почувствуешь себя лучше. Боль уйдет, в ногах и в руках появится сила. Ты сможешь встать и уйти.

– И ты... – Лагин сглотнул слюну. – И ты отпустишь меня?

Ведьма усмехнулась:

– Мне ни к чему тебя держать, странник. Я просто хочу тебе помочь. А потом – ступай, куда хочешь.

Лагин приподнялся на локте. Мамелфа поднесла к его губам край миски.

– Пей.

И он стал пить. Сперва один маленький глоток. Затем еще один. И вдруг все его тело пронзила боль. Тело задрожало, как в припадке падучей. По жилам пробежал ледяной огонь.

– Больно... – прохрипел Лагин.

– Черичан! Подон! Левурда! – пробормотала Мамелфа. – Заклинаю тебя бешеным шакалом, дурман-травой, болиголовом и волчьим корнем! Будь в моей власти!

Тело Лагина выгнулось дугой.

– Заклинаю тебя рыбьим голосом, песьими жабрами, клыками земляного червя! Будь в моей власти! Зара! Авда! Ирта! Я забираю твое живое сердце и даю тебе мертвое!

В руках Мамелфы блеснул нож. Ведьма замахнулась и одним сильным ударом рассекла Лагину грудь.

– Нет... – хрипло прошептал ученый муж и хотел подняться. Но голова его закружилась, горница поплыла перед глазами, и в следующее мгновение он потерял сознание.

Когда он вновь открыл глаза, боли уже не было. Лагин пошевелил сперва одной рукой, потом другой. Потом приподнял голову и огляделся. Мамелфа сидела на скамье и что-то делала. В потемках не разобрать, что именно. На Лагина она не смотрела.

Ученый муж с трудом поднялся на ноги и побрел к двери. Он чувствовал холод, и холод этот исходил из его собственной груди. Будто вместо сердца у него в груди был кусок льда.

– Господи... – тихо прошептал Лагин, медленно шагая к двери. – Прости меня...

– Поздно, – насмешливо проговорила ему вслед колдунья. – Ты предал своего Бога, и теперь ты проклят.

– Господи Иисусе, прости меня, – вновь пробормотал Лагин, и вдруг лицо его исказила гримаса боли. Имя Господа обожгло ученому мужу гортань и язык, будто он изрыгнул из утробы раскаленный уголек.

Постояв немного у двери, чтобы прийти в себя, Лагин двинулся дальше. Отрыв дверь, ученый муж с облегчением ощутил, как прохладный ветердохнул ему в лицо. Пошатываясь, вышел он из избушки.

Силы возвращались быстро, и когда Лагин ступил ногой на мокрую траву лужайки, голова у него уже не кружилась, а ноги шагали по земле спокойно, твердо и упруго.

Постояв немного на лужайке, Лагин оглянулся. Черная изба исчезла. Место, где она только что стояла, было пусто. На нем не росла даже трава. Еще одно проклятое место Гиблой чащобы.

Не вполне сознавая, что делает, ученый муж прижал пальцы правой руки к левому запястью. Жилка на запястье не вздрагивала. Пульса не было.

– Странно, – пробормотал Лагин.

Очки его запотели, и он снял их, чтобы протереть краем рубахи. И вдруг остановился и огляделся по сторонам. На лице Лагина появилось удивление. Несмотря на ночную тьму, он видел деревья вполне отчетливо.

Поняв, что очки ему больше не нужны, Лагин сунул их в карман камзола. Потом повел плечами, прислушался к себе и почувствовал, что голоден. Стоило Лагину подумать о еде, как желудок его скрутил спазм.

Ученый муж поморщился и зашагал вперед. Пройдя с полверсты, он услышал странный шум и остановился. Шум доносился из-за кустов шиповника.

Лагин осторожно, на цыпочках, подошел к кусту и осторожно отодвинул ветку. Он увидел упырей. Их было четверо – трое взрослых мужчин и девочка-подросток. Они сидели на прогалине и с чавканьем пожирали тушу поросенка, которого притащили сюда из ближайшего села.

Лагина прошиб озноб. Он повернулся и хотел на цыпочках уйти, но под ногой его предательски хрустнула ветка. Лагин остановился и замер, надеясь, что упыри ничего не услышали, однако надежде его не суждено было сбыться.

Упыри оставили недоеденную тушу поросенка, вскочили на ноги и ринулись на Лагина. Ученый муж побежал, но, пробежав несколько шагов, споткнулся о комель дерева и упал. Острый сук вонзился ему в икру, и он закричал от боли.

Лагин попытался встать, но резкая боль в ноге не позволила это сделать. И тут упыри настигли его.

Почувствовав холодные пальцы на своем лице, Лагин вздрогнул и крикнул:

– Нет!

В следующее мгновение, почти не сознавая, что делает, Лагин нашарил на земле палку и вскочил на ноги. Дальше все завертелось с невероятной быстротой. Одному упырю он расшиб палкой голову, второго проткнул той же палкой насквозь, а третьего повалил на землю и вцепился ему зубами в глотку.

Через несколько секунд все было кончено. Лагин поднялся с земли и огляделся. Три убитых упыря лежали у его ног. У одного из них была отгрызена голова. Лагин вспомнил, что грыз упыря зубами, и его вырвало от отвращения.

Отерев рот и язык пучком травы, ученый муж выпрямился и, не глядя на трупы упырей, зашагал прочь. Он вдруг вспомнил, что ветка проткнула ему икру.

Остановившись, Лагин задрал штанину и провел по ноге рукой. Кожа была целая и чистая. Ни раны, ни царапины, ни синяка.

«Видимо, мне это просто показалось, – неуверенно сказал себе Лагин. – И ветка лишь вскользь задела ногу».

Он выпрямился, намереваясь убраться подальше от проклятого места, но вдруг увидел на тропке невысокую темную фигуру.

– Кто ты? – испуганно спросил Лагин.

Фигура шагнула вперед. При свете луны ученый муж узнал девочку-упыря, которая пожирала поросенка вместе со своими взрослыми сородичами.

Лагин испуганно попятился. Девочка сделала еще шаг, но вдруг повалилась на землю и затихла. С полминуты Лагин выжидал, а затем осторожно подошел к девочке.

Она лежала навзничь, глядя остекленевшими глазами на желтый круг луны. Когда-то она была хорошенькая. Но сейчас лицо ее стало мертвенно-бледным, а глаза глубоко запали и потускнели. Видимо, на убогих пиршествах упырей ей доставались лишь жалкие крохи.

Лагин почувствовал жалость.

– Как же ты стала упырем, милая? – тихо проговорил он и протянул руку, чтобы погладить девочку по голове.

Внезапно девочка шелохнулась. Лагин хотел отдернуть руку, но не успел – маленькое чудовище схватило его за руку, притянуло ее к своему рту и вцепилось в запястье острыми зубами.

Лагин закричал и дернул руку на себя. Однако девочка успела прокусить артерию и глотнуть крови.

Лагин сжал пальцами окровавленное запястье, отбежал к дереву и испуганно крикнул:

– Не подходи ко мне, чудовище!

Девочка села на траве и уставилась на Лагина. Он с ужасом заметил, что лицо ее меняется. Болезненная бледность сошла с лица, и на щеках появился румянец. Тени под глазами рассосались, а сами глаза заблестели.

Теперь на Лагина смотрела не маленькая упыриха, а очаровательная, белокурая и большеглазая девушка. На вид ей было лет четырнадцать, груди ее уже по-женски оформились, но лицо еще оставалось детским. Губки девочки приоткрылись, и она прошептала:

– Дядя...

Лагин взял себя в руки и проговорил севшим от страха голосом:

– Ты помнишь, как тебя зовут?

– Рута, – ответила девочка и улыбнулась. – А тебя?

– Меня зовут... Лагин. Ты понимаешь, что я говорю, Рута?

– Да, – ответила девочка. Она внимательно посмотрела на Лагина и вдруг спросила: – Ты бог?

Лагин смутился.

– Нет, милая, – пробормотал он, совершенно растерявшись.

И вдруг его озарило: она укусила его за руку и пила его кровь. Значит, все это сделала его кровь! Глоток его крови превратил Руту из упыря в человека.

Лагин взглянул на свое запястье и почти не удивился тому, что увидел. Рана на запястье уже затянулась, да так, что от нее не осталось даже царапины.

У людей процесс регенерации не может идти с такой поразительной быстротой. А это значит... Это значит, что он больше не человек!

У Лагина сдавило сердце.

– Что же это? – сокрушенно пробормотал он. – Как же это вышло?

– Дяденька, – окликнула вдруг девочка. – Мне здесь страшно. Можно я пойду с тобой?

Лагин вдруг почувствовал себя страшно одиноко.

– Ты хочешь пойти со мной?

– Да. Я боюсь одна в лесу.

Девочка поднялась с земли и шагнула к Лагину. Он попятился, но наткнулся спиной на дуб и остановился. В конце концов, что он теряет? Даже если маленькое чудовище укусит его снова, рана тут же затянется. Да и не похожа она больше на чудовище.

Лагин слабо улыбнулся и сказал:

– Хорошо. Я возьму тебя с собой. Но обещаю вести себя хорошо.

– Обещаю, – выдохнула Рута нежным голоском.

Она подошла к Лагину и взяла его за руку.

– Давай уйдем отсюда поскорее, – попросила девочка. – Мне здесь очень страшно.

Лагин сжал тонкие пальчики Руты в своей широкой ладони.

Вскоре они шагали по лесу, прислушиваясь к ночным шорохам. Поглядывая на Руту, Лагин размышлял.

А может быть, это долгожданная награда? Двенадцать лет назад он решил стать ученым, чтобы научиться воскрешать людей. И вот – он воскрес!

Если он смог воскреснуть, то смогут и другие. Что же это выходит? Отныне смерти нет? Но что, если теперь он проклят Господом?

Лагин нахмурился и снова покосился на Руту.

«Что проку в вере, если она не дарует тебе бессмертие? – подумал он. – Бессмертие – вот то, о чем грезят люди и что отличает их от небесных созданий. Бессмертие и неуязвимость».

Эта девочка была мертва, а он оживил ее. Теперь она бессмертна, так же, как и он. Она красива, умна и сильна.

Валахи и Моравы верят в вампиров? Отлично! Значит, отныне они оба – вампиры.

Лагин простер руки к небу, и из горла его вырвался протяжный, полный силы и жажды власти вой.

8

В первую неделю после возвращения из Гиблого места Лагин соорудил в комнатке постоянного двора небольшую лабораторию, где вознамерился делать из железа золото. Поначалу работа закипела – в несколько дней ученый муж сотворил полпуда желтого, тяжелого металла. А потом ему стало скучно.

Прежняя благая идея – осыпать золотом человечество и стереть различия между богатыми и бедными – показалась ему глупой.

Сотворив еще полпуда искусственного злата, Лагин разобрал *машину* до лучших времен. Теперь он был не только неуязвим и красив, но и богат. Чувство собственной исключительности и силы переполняло его.

Своей новой подруге Руте он снял на постоялом дворе Дулея Кривого лучшую комнату.

Каждую ночь Лагин выходил на охоту. Благодаря сверхчеловеческой выносливости он легко проходил за ночь по тридцать-сорок верст в поисках добычи, совершенно при этом не уставая.

Чаще всего добычей его становились шальные девки, продававшие проезжим купцам свою красоту и молодость за серебро и медь. Выпив из девки кровь, Лагин бросал мертвое тело в реку или в лесной овраг.

Однажды в безлунную ночь Лагин вышел на большак и зашагал прочь от города. В двадцати верстах от городской стены, среди деревьев, он набрел на лагерь купцов, возвращающихся с ярмарки.

Четверо купцов спали у тлеющего костра в окружении четырех пустых подвод. Лагин взглянул на мясистые шеи купцов и почувствовал голод.

Не привыкнув медлить, он шагнул вперед и вдруг увидел еще одного мужика. Тот вышел из-за дерева, завязывая веревку на мотне, и изумленно уставился на Лагина.

– Ты кто? – спросил мужик, не успев еще даже испугаться.

– Я твоя смерть, – тихо сказал Лагин и, вытянув руки, шагнул к мужику, намереваясь свернуть ему шею.

Но мужик повел себя странно. Ужас не сковал его и не заставил броситься прочь. Вместо этого он молниеносно выхватил из-за пояса кинжал и вонзил его Лагину в живот.

Острая боль заставила ученого мужа содрогнуться. Голова его затуманилась, и он понял, что падает. «Значит, я смертен», – успел подумать Лагин, и мысль эта не показалась ему страшной.

В следующее мгновение мир померк в его глазах. Но слух по-прежнему был при нем.

– Кого это ты уложил, Пакомил? – услышал Лагин сипловатый мужской голос.

– Не знаю, – ответил другой. – Верно, разбойник.

– Как пить дать, разбойник. Разбойники редко шалят поодиночке, нужно держать ухо востро. А чего ж он на тебя пошел, охоронец?

– Видать, спутал меня с купцом. Не увидел в темноте, что я при оружии.

Последовала пауза, а потом сиплый голос потребовал:

– Добей его.

– Да он уж мертвый, – возразил Пакомил.

– Все равно добей. Отрежь башку, чтоб не превратился в упыря.

– Так ведь до Гиблого места далеко.

– Все равно. Мало ли. Возьми мой тесак – он из белого железа.

Охоронец взял тесак, присел рядом с убитым разбойником, поплевал на ладони, крепко обхватил рукоять тесака и размахнулся, намереваясь отрубить мертвому разбойнику голову.

И вдруг из зарослей можжевельника вырвалась темная тень. В следующее мгновение Пакомил рухнул на траву с разорванным горлом. Второй охоронец вскрикнул и упал на колени. Из его пробитой головы ударил фонтан крови.

Купцы проснулись и подняли с травы взлохмаченные головы. Темная тень пронеслась над ними, и все четыре купца раскрыли рты и, схватившись за шеи, забулькали кровью.

Лагин открыл глаза, сел на траве и потряхнул головой.

– Я жив? – недоуменно спросил он.

– Да! – сказала Рута. Она обхватила Лагина ладонями за щеки и поцеловала его в губы.

Лагин поморщился и отстранил девчонку. Затем взглянул на мертвые тела. Брови его удивленно приподнялись.

– Это сделала ты? – недоверчиво спросил он.

– Да!

– Господи Иисусе... – Божье имя горячим углем прокатилось по гортани и языку Лагина, и он закашлялся. – Зачем?... Зачем ты это сделала?

– Они хотели тебя убить, – просто ответила Рута.

Лагин взглянул на перепачканное кровью лицо девочки и содрогнулся.

– Неужели... – Он сорвался на хрип. – Неужели это я сотворил с тобой такое, Рута?

– Я была упырем, а ты снова сделал меня человеком.

Лагин посмотрел на девочку с горечью.

– Ты не человек, – сказал он. – И не упырь. Ты гораздо страшнее.

– Кто же я?

– В Болгарском царстве таких, как мы, называют стригоями.

Рута улыбнулась:

– Пусть будет так. Мне не важно.

– А что важно? Что для тебя важно, Рута?

– Чтобы мы с тобой всегда были вместе! – ответила девушка. Она выпрямилась и деловито проговорила: – Нужно сбросить товар в реку. Тогда подумают на разбойников, и нас никто не будет искать.

Лагин поднялся на ноги, потрогал шрам на груди и глухо проговорил:

– Колдунья превратила меня в стригоя. Дорого бы я отдал, чтобы узнать, зачем ей это понадобилось.

Глава вторая

1

В то время как Глеб-Первоход беседовал в кружале с Лагиным, в гиблом городе Кишене собрался совет. Но то был не совет людей, в совет нелюдей.

Огромные камни подклета, в котором сошлись вожди нелюдей, влажные, замшелые, напоминали черепа древних чудовищ.

Уродов было десятка два. Здесь находились только самые сильные из них. У одной из стен стоял грубо сколоченный стол, и на нем горела неуклюжая свеча, слепленная из куса лосиного жира.

Многие из присутствующих плохо владели языком, но они хорошо понимали, о чем идет речь, и отлично изъяснялись при помощи знаков.

Слово взял Бычеголов. За спиной гиганта стояла, сложив руки на груди, Диона. В отличие от прочих нелюдей, она не была уродлива, и некоторые из присутствующих поглядывали на нее косо. Слишком уж много человеческого оставалось в этой девушке.

– Люди никогда не оставят нас в покое! – говорил Бычеголов, яростно и громко. – Скоро они придут в Кишень и перебыют нас всех!

– Люди ходят там, где им вздумается, – возразил Бычеголову главный вождь Азран, рослый, мускулистый, с уродливым львиным лицом и косматой седой гривой волос.

– Но это наша земля! – прорычал в ответ Бычеголов.

Азран сдвинул брови.

– Да, это наша земля. И мы не должны покидать ее.

Бычеголов глянул на Азрана исподлобья, и во взгляде этом полыхал гнев.

– Нам нужны человеческие женщины, – сказал он. – Мы возьмем их женщин, перебьем их мужчин и сожжем их села. Мы сильнее, чем они.

Нелюди, обступившие стол главного вождя, одобрительно загудели, но Азран поднял руку, и в подклете тут же воцарилась тишина.

– Нас мало, – сказал он спокойно. – Нам не победить людей. Если мы попробуем, они придут и отомстят нам. Люди очень злопамятны и не прощают обид.

Бычеголов шумно выдохнул ноздрями воздух. Он шагнул вперед и сжал кулаки, но из тени выступила Диона. Девушка положила Бычеголову руку на плечо и сказала:

– Ты прав, Азран, нас мало. Но каждый из нас стоит двадцати людей! Убегая из подземелья, Бычеголов голыми руками убил полдюжины ратников!

И вновь нелюди одобрительно загудели, и вновь Азрану пришлось поднять руку, чтобы заставить их замолчать. Взглянув на Диону спокойным, властным взглядом, Азран сказал:

– Твоими устами говорит не разум, но гнев. Люди схватили твоего отца и посадили его в клетку. Поэтому ты жаждешь крови. Но гнев – плохой советчик. Если бы твой отец был с нами, Диона, он бы сказал тебе то же самое.

Диона прищурила зеленые глаза.

– Ты думаешь, что моими устами говорит гнев? Что ж, возможно, ты прав. Зато твоими устами, Азран, говорит страх! А это еще хуже!

Из приоткрытого рта Азрана вырвалось рычание. На его львиной морде прорезались резкие морщины.

– Следи за своим языком, девочка, – устрашающе проговорил он.

Нелюди, обступившие стол, попятились, опасаясь гнева своего вождя. Не попятились лишь Бычеголов и Диона. Девушка улыбнулась в лицо Азрану и холодно проговорила:

– Ты рассуждаешь, как немощный старик, а не воин. Мы можем победить людей! Нужно убить их вождей и дружинников. Обезглавим змею, а тело умрет само.

Азран нахмурился.

– Но что будет потом? – спросил он. – Потом, когда мы вернемся в Кишень?

– Время покажет. Может быть, мы вернемся в Кишень. А может быть, займем их города. Наши дети быстро рождаются и быстро растут.

Из толпы нелюдей выступил рослый мужчина с темным лицом и длинным носом, покрытым роговыми наростами.

– Диона и Бычеголов правы, – сказал он. – У нас есть кузнец Вакар. Он выкует нам мечи-всерубы и заговорит их от людей. Он сам мне это обещал.

Азран снисходительно усмехнулся.

– С каких это пор ты стал доверять людям, Ворон?

Черные, покрытые роговой корочкой губы Ворона дрогнули.

– Его дочь родила мне сына, – сказал он. – И кузнец Вакар знает об этом. Люди не примут их обратно.

Азран задумался. С минуту он размышлял над словами Ворона, затем вздохнул и сказал:

– Это слишком опасный поход. Мы не можем рисковать.

– Если мы не убьем людей, то люди сами придут сюда и убьют нас! – прокаркал Ворон.

– Если люди придут в Кишень, мы уйдем отсюда, – спокойно и торжественно проговорил Азран.

– Уйдем? – изумленно проревел Бычеголов. – Ты предлагаешь нам сбежать? – Бычеголов обернулся к нелюдям и презрительно проговорил: – Диона права. Азран стар и труслив. Он больше не может править нами. Племени нужен новый главный вождь.

Из пасти Азрана вырвался угрожающий рык. Он шагнул к Бычеголову, но Диона встала у вождя на пути.

– Одумайся, Азран! – сказала она, глядя на львиноголового урода пылающими, будто изумруды, глазами. – Люди ловят наших братьев и сестер, сажают их в клетки, как диких зверей, издеваются над ними! Неужели ты согласен и дальше терпеть это?

Глаза стоявших вокруг нелюдей налились кровью. Слова Дионы заронили в их сердца гнев и надежду.

– Азран, мы не хотим терпеть, – тихо сказал один из нелюдей, долговязый и сухой, как палка.

– Они издеваются над нами! – проговорил другой нелюдь, с широкой, как наковальня, грудью и уродливым, словно составленным из разных частей, лицом. – Я не боюсь людей и готов сражаться с ними!

Из толпы выступил нелюдь с лицом, так густо заросшим темными волосами, что даже глаз не было видно. В руке нелюдь держал посох. Ударив посохом о землю, он зычно изрек:

– Слушайте меня, братья! Я жрец Дрок! Я внемлю языку думранов и рассказываю вам, чего думраны хотят! И я говорю тебе, Бычеголов, сын Рашката Рыжего: думраны не хотят, чтобы мы воевали с людьми!

Бычеголов облизнул толстые губы широким языком.

– Я не верю тебе, Дрок, – глухо и угрюмо проговорил он.

– Не веришь? – По волосатому лицу жреца пробежала волна, словно на него подули ветром. – Что означают твои слова, Бычеголов?

Глаза Бычеголова недобро замерцали.

– Ты сам знаешь, жрец. У каменных думранов суровые лица. Наши думраны – настоящие воины. И я никогда не поверю, что вместо того, чтобы воевать, они позорно бегут с поля битвы.

Шерсть на лице жреца Дрока затряслась. Он занес свой посох, чтобы гневно ударить им оземь, но Бычеголов вскинул руку и перехватил посох.

Несколько мгновений Бычеголов и волосатый жрец смотрели друг на друга в упор. Потом Бычеголов вырвал посох из рук Дрока и швырнул его на пол.

Дрок простер вверх покрытые шерстью руки и гневно проговорил:

– Да падет гнев думранов на твою рогатую голову, глупец!

Бычеголов гневно скрипнул зубами и замахнулся, чтобы вышибить из жреца дух.

– Оставь его, Бычеголов! – прорычал Азран, и от рыка его сотряслись стены.

Бычеголов остановился и медленно повернулся к главному вождю.

– Войны не будет, – глухо пророкотал Азран. Его огромное тело напряглось, под кожей вздулись твердые узлы мускулов, верхняя губа приподнялась, обнажив острые и крепкие клыки. – Пока я жив, я не допущу кровопролития!

– Пока ты жив, – задумчиво повторил Бычеголов. – Но ведь ты когда-нибудь умрешь, верно?

Азран мрачно усмехнулся.

– Ты знаешь наши законы, Бычеголов. Сразись со мной и убей меня, и тогда ты сам станешь верховным вождем.

Бычеголов молчал, угрюмо глядя на Азрана.

– Ну? – рыкнул тот, потряхнув львиной головой. – Ты готов убить меня? Если нет, то заткни свою бычью пасть и не смей мне перечить!

Азран повернулся к толпе угрюмых вождей.

– Ну?! – рявкнул он зычно. – Кто-нибудь из вас хочет со мной сразиться?

Нелюди поспешно отвели глаза, опасаясь встретиться с главным вождем взглядом. Азран снисходительно усмехнулся.

– Так я и думал. Мудрость заставила меня быть терпеливым. Но если кто-то из вас снова посмеет назвать меня трусом или стариком... – Азран обвел нелюдей холодным взглядом, – я своими когтями вырву ему сердце. А теперь расходитесь. Совет вождей закончен.

Азран отвернулся от нелюдей, словно их лица надоели ему, и в это мгновение Бычеголов ринулся вперед. Он запрыгнул на стол, обхватил толстую шею Азрана мускулистыми руками и резко дернул на себя. В шее верховного вождя что-то хрустнуло, однако он тут же повернулся и вцепился Бычеголову когтями в лицо.

Завязалась жестокая драка. Нелюди испуганно попятились, освобождая вождям место для драки. Азран поднял Бычеголова в воздух и швырнул его спиной на стол. Ножки дубового стола подломились, и Бычеголов рухнул на пол вместе с обломками.

Азран зарычал и бросился на Бычеголова, однако тот увернулся и вскочил на ноги. Азран повернулся к противнику, и в это мгновение Бычеголов ударил его дубовой доской по лицу. Доска разлетелась в щепки, сломанный клык вылетел из открытой пасти верховного вождя.

Азран потряхнул львиной гривой и, резко выбросив вперед руку, попытался схватить противника за ногу, однако Бычеголов, более молодой и ловкий, снова увернулся, и когтистые пальцы верховного вождя схватили лишь пустоту.

Бычеголов ударил вождя ногой в грудь. Удар был сильным, но Азрана он не свалил. Издав горлом ужасающий рык, верховный вождь снова бросился на Бычеголова. Тот отскочил в сторону и быстро выставил ногу. Споткнувшись о его ногу, Азран рухнул грудью на обломки стола.

– Бычеголов, держи! – крикнула Диона и швырнула рогатому нелюдю посох жреца Дрока.

Бычеголов поймал посох, переломил его об колено, отбросил один обломок, а второй перехватил двумя руками и, когда Азран повернулся к нему, всадил острый обломок Азрану в открытую пасть.

Азран заизвивался, стараясь оторвать пригвожденную голову от земли и схватить Бычеголова когтистыми лапами, но кровь слишком сильно хлестала из его продырявленного черепа, и силы слишком быстро покидали его.

Бычеголов повернулся в Дионе и крикнул:

– Дай кинжал!

Двое нелюдей встали на пути у Дионы, но она так свирепо сверкнула на них глазами, что они тут же отпрянули в сторону. Диона вынула из ножен клинок и вложила его в руку Бычеголова. Тот быстро присел рядом с хрипящим вождем, схватил его свободной рукой за седую гриву и быстро перерезал Азрану глотку.

Вожди ахнули.

Бычеголов не остановился и продолжал орудовать кинжалом. А когда работа была закончена, вскинул голову Азрана над собой, держа ее за гриву, и поднялся на ноги. Несколько секунд он молчал, давая нелюдям возможность насладиться зрелищем, а затем рывкнул:

– Я теперь ваш главный вождь! Кто-то хочет оспорить у меня мое право?

Никто не произнес ни слова. Бычеголов швырнул голову вождя в угол и прохрипел:

– Мы выступим против людей!

Еще несколько мгновений нелюди молчали, а затем Ворон шагнул вперед и крикнул:

– Слава Бычеголову!

– Слава! – хором отозвались другие вожди.

Бычеголов вытер рукою потный лоб, переступил через обезглавленный труп врага, взял Диону за руку и повел ее к выходу.

2

Они стояли на лужайке под огромным черным дубом. Щеки и лоб Бычеголова были испачканы кровью Азрана. Вперив взгляд в лицо девушки, он тихо спросил:

– Ты любишь меня, Диона?

Девушка нахмурилась.

– Ты обещал, что мы никогда не будем об этом говорить, – сказала она.

Бычеголов раздул ноздри и свирепо пыхнул воздухом.

– Я готов отдать за тебя жизнь, – глухо проговорил он. – Если бы не ты, я бы не убил Азрана.

– Я знаю, – тихо отозвалась Диона. Она протянула руку и погладила гиганта по щеке. – Ты правильно все сделал, Бычеголов. Теперь ты главный вождь. И людям не избежать расплаты.

Диона обняла гиганта рукой за толстую шею и провела узкой ладонью по его шишковатой лысой голове.

Бычеголов перехватил ее руку и осторожно поднес к своим губам.

– Все для тебя, Диона! Вся моя жизнь для тебя! Только прошу: не обманывай меня! Если ты меня обманешь, я тебя убью!

Диона холодно улыбнулась.

– Зачем мне тебя обманывать? Ты самый сильный и умный воин в нашем племени. А теперь ты еще и главный вождь.

– Я говорю не про наше племя, – угрюмо проговорил Бычеголов. – Я говорю про человека.

– Про человека?

– Да. Мелна рассказала, что ты произносила во сне его имя.

– Какое еще имя? Твоя Мелна – большая выдумщица.

Бычеголов нахмурился.

– Она запомнила это имя. Глеб-Первоход. Этот ведь тот ходок, который отдал тебя мне?

Несколько секунд Диона молчала, кусая губы, затем улыбнулась и заявила с холодной веселостью:

– Какой ты скучный, Бычеголов! А еще – вождь!

На скулах Бычеголова вздулись тугие желваки.

– Он сам отдал тебя мне, Диона, – угрюмо проговорил он. – Для него ты просто нелюдь. Он ненавидит таких, как мы.

Бычеголов подался вперед и хотел обнять Диону, но она выскользнула из его объятий.

– Я не твоя женщина, – холодно сказала Диона. – *Пока* не твоя.

– Но ты будешь моей. Через седмицу жрец Асприй обяжет нас алой лентой!

– Это будет через седмицу. А пока я вольна поступать так, как мне вздумается!

Диона повернулась и двинулась прочь с лужайки, но вдруг остановилась и, обернувшись, проговорила:

– А если ты еще раз заговоришь при мне про ходока, я выцарапаю тебе глаза. Надеюсь, ты это запомнил.

Она отвернулась и зашагала прочь.

3

Дождь закончился. По небу поползали последние лохмотья изорванных грозой морозов.

– Стойте! – приказал своим нелюдям Бычеголов. – Они едут!

На дороге показались газары. Все коренастые, широкие в кости, с жиденькими бородами и блестящими от медвежьего жира широкими плоскими лицами.

На каждом красовался кожаный панцирь, покрытый металлическими пластинами. Головы лесных людей были украшены коническими шлемами с перьями на макушке. На поясах болтались кривые сабли, из-за плеч выглядывали навершия огромных боевых луков.

Всадник, едущий в голове колонны, держал в руке бунчук из нескольких конских хвостов, оплетенных разноцветными нитями. Завидев впереди нелюдей, газары остановились. Их узкие, как зарубки в коре, глаза смотрели на кишеньских чудовищ невозмутимо и почти равнодушно.

Бычеголов вышел вперед и поднял руку.

– Здравствуй, нойон! – крикнул он на славянском языке, который знали все лесные люди.

– Здравствуй, нелюдь Бычеголов! – ответил нойон Бекет.

Бекет был так же коренаст и невысок ростом, как и его воины, однако благодаря гордому подъему головы и прямой осанке казался намного выше. Лицо его было худощаво и скуласто, усы росли лишь по обеим сторонам рта, а борода спускалась узкой черной прядкой почти до груди.

– Я пришел с миром, – пробасил Бычеголов, угрюмо глядя на нойона. – Скажи своим храбрым воинам, чтобы не трогали нас.

Узкоглазые лица газаров по-прежнему были непроницаемыми, однако все они то и дело незаметно трогали амулеты, болтающиеся на шеях. Некоторые нашептывали молитвы-обереги.

Нойон дал знак своим воинам. Двое из них, на вид самые крепкие, выехали чуть вперед. Пристально и жестко глядя на нелюдя, нойон Бекет гаркнул:

– Ты пришел в мои владения, нелюдь! А у нас был договор!

Вождь нелюдей смиренно пригнул голову.

– Да, – глухо проговорил он. – Я нарушил договор. Но я пришел к тебе не просто так. Ворон! Рысь! – позвал он своих помощников и добавил несколько слов на наречии нелюдей.

Двое уродливых нелюдей выступили вперед, волоча большую кожаную сумку, поставили сумку на тропу, затем молча вернулись назад.

Нойон Бекет глянул на сумку с опаской.

– Что это? – спросил он.

– Золото! – прорычал Бычеголов.

– Золото? – Нойон не поверил своим ушам. – Полная сумка золота?

Бычеголов кивнул:

– Да. И оно будет твоим.

Узкие глаза нойона подозрительно блеснули.

– Откуда у тебя столько золота, Бычеголов?

– Это золото наших предков, – ответил нелюдь. – Оно столетиями хранилось под землей. Но сегодня мы выкопали его, чтобы отдать тебе.

– Гм... – Нойон задумчиво подергал себя за бородку. Глаза его по-прежнему смотрели недоверчиво. – И чего ты от меня хочешь, Бычеголов?

Нелюдь нахмурил широкий лоб и яростно пророкотал:

– Мы хотим напасть на русов! Будь со мной!

На лице нойона не дрогнул ни один мускул. Он посмотрел на сумку с золотом, на Бычеголова, снова подергал себя за бородку и сказал:

– Русы – храбрые воины. Воевать с ними – дело неблагодарное.

– Мы войдем в их села и города, возьмем все, что у них есть! – прорычал Бычеголов, едва сдерживая ярость. – Мы разорим Хлынь и заберем княжью казну! Потом ты сможешь увести своих людей в степь, и все вы будете богаты!

Нойон задумался – на этот раз гораздо крепче, чем прежде. Бычеголов выждал немного, затем заговорил снова:

– Князь Егра знает, что ты убиваешь ратников и грабишь караваны купцов. Рано или поздно он придет к тебе. И тогда ты не сможешь спастись. Я предлагаю тебе напасть на князя первым.

Бекет усмехнулся и спросил:

– Напасть на русов – полдела. А что будет потом?

– Ты и твои воины...

– Я знаю, что будет с нами, – оборвал его Бекет, – но что будет с тобой и твоим племенем?

– Мы можем остаться в княжьем граде, – ответил Бычеголов, глядя на нойона маленькими, глубоко посаженными и налитыми кровью глазами. – А можем уйти обратно в Кишень. Я еще не решил.

– Ты не удержишь княжий град, – холодно проговорил нойон. – На помощь Егре придут другие князья.

Бычеголов усмехнулся.

– Я перехватил их письма друг другу. Все они ненавидят Егру, и ни один из них не придет ему на помощь!

– Может быть, и так, – согласился Бекет. – Но тебя и твоих уродов они ненавидят больше.

Бычеголов побагровел и сжал огромные кулаки. Заметив это, нойон усмехнулся.

– Ну-ну-ну. Я не хотел тебя обидеть, Бычеголов. Но кто-то должен сказать тебе правду.

– Правда в том, что я хочу увидеть Егру и его псов-бояр мертвыми! Я хочу разорвать их на части! И я сделаю это – с тобой или без тебя! Диона! – позвал Бычеголов.

Из толпы нелюдей выступила девушка. Брови нойона удивленно взлетели вверх.

– Ты водишь с собой человеческую самку? – насмешливо проговорил он. – Может быть, ты хочешь предложить мне ее в награду вместе с золотом?

По лицу Бычеголова пробежала тень.

– Она не человек! – рыкнул он. – Она – моя женщина.

– Вот оно что. – Бекет пристально посмотрел на Диону. – Эта девушка – нелюдь?

– Обращайся ко мне, если хочешь что-то спросить, – холодно проговорила Диона. – Да, я нелюдь.

Она уставилась нойону в глаза. Затем вдруг подняла руки и повернула их ладонями к нойону. Газары порывисто схватились за амулеты и торопливо забормотали заклинания – на ладонях девушки открылись темные круглые глаза.

– Смотри на меня! – громко и уверенно приказала Диона. – Смотри на меня, нойон! Твое тело расслабляется! Пальцы становятся ватными! Смотри на меня и слушай мой голос!

Бекет ошеломленно уставился на Диону и сглотнул слюну.

– Ты слышишь только мой голос! – отчеканила Диона властным голосом. – Дыхание твое замедляется! Руки расслабляются! Ты слышишь только мой голос!

Нойон ссутулился, лицо его стало одутловатым и приобрело сонно-туповатое выражение.

– Ты спокоен! – продолжала вещать Диона. – Ты внимаешь только мне!

Дыхание нойона стало ровным и почти незаметным, оно как бы ушло в глубину.

– Ты ненавидишь русов, – продолжала внушать Диона. – И хочешь помочь нам захватить их села и города.

– Я ненавижу русов... – покорно повторил Бекет. – И я хочу захватить их села...

Газары стали обескураженно переглядываться. Никогда еще они не видели на лице своего нойона выражения такой скотской покорности.

– Ты пойдешь с нами на русов! – жестко отчеканила Диона. – А после, когда мы победим их, заберешь золото и уведешь своих людей на восток!

– Я уведу их... – заводной куклой повторил Бекет.

Диона опустила руки. Затем повернулась к Бычеголову и сказала:

– Продолжай.

Бекет тут же вздрогнул и провел по лицу ладонью, будто к нему прилипла паутина.

– Нойон, – взволнованно обратился к нему один из газаров. – Кайды барсум санугач?

– Хаш рагим! – ответил нойон сердито и снова взглянул на Бычеголова. – Я принимаю твое предложение, нелюдь! Но если ты меня обманешь – пеняй на себя.

– Я не обману тебя, – твердо пообещал Бычеголов. – А если я это сделаю, пусть твои воины вырвут мое сердце и бросят его на съедение собакам!

Нойон усмехнулся и отдал короткое распоряжение своим людям. Трое газаров соскочили с коней, быстро подошли к кожаной суме, взяли за ручки и поволокли золото к деревянной телеге.

4

Двумя часами позже, когда солнце уже закатилось за горизонт, а ночная тьма еще не вошла в свои права, Бычеголов сидел на траве у раскаленных углей костра и рвал зубами жареное лосиное мясо.

Другие нелюди, числом не менее двадцати, терпеливо ждали своей очереди. По закону племени первым должен был насытиться главный вождь.

Среди прочих своей очереди дожидалась и Диона. Нелюди знали, что лучшие куски мяса Бычеголов прибережет для нее, и поглядывали на девушку с нескрываемой неприязнью.

Она, похоже, не замечала их взглядов. Лицо Дионы было спокойным и равнодушным.

Вдруг один из нелюдей вскочил на ноги и, указав на что-то рукою, громко проговорил:

– Там кто-то стоит!

Еще несколько нелюдей вскочили с земли и сжали в руках боевые топоры.

Бычеголов перестал есть и взглянул туда, куда указывал нелюдь. Посреди поросшей мхом прогалины стоял человек. Он был высок, красив и молод, однако, несмотря на молодость, волосы его были седые, будто у старика.

Поняв, что его заметили, мужчина улыбнулся и смело пошел к костру. Теперь уже все нелюди вскочили на ноги и схватились за оружие.

Остановившись в пяти шагах от Бычеголова, мужчина заговорил на языке нелюдей:

– Привет тебе, главный вождь! Пусть боги пошлют тебе хороший аппетит, и пусть это мясо даст тебе много сил для грядущих битв!

Бычеголов хмуро взглянул на незнакомца.

– Кто ты? – спросил он, опуская руку с куском непрожаренного кровавого мяса.

– Меня зовут Лагин, – ответил мужчина. – И я пришел к тебе с миром. Так же, как ты пришел сегодня к нойону Бекету.

Бычеголов фыркнул широкими ноздрями.

– Откуда ты знаешь, что я встречался с Бекетом? Кто тебе сказал?

– Я был там, – просто ответил Лагин. – Скрывался за деревьями, поэтому ты меня не увидел.

Бычеголов швырнул кусок мяса Ворону и вытер руки об траву. Затем осторожно понюхал воздух, стремясь почуять запах опасности. Не почуял. Зато почуял другое. Человек, стоявший перед ним, был мертв.

– Ты упырь? – спросил Бычеголов незнакомца.

– А ты сам как думаешь? – лукаво усмехнулся тот.

– Ты выглядишь, как человек, – сказал Бычеголов угрюмо. – Но ты мертв. Так кто же ты?

Мужчина не ответил. Он стоял посреди прогалины, сунув руки в карманы потертого черного камзола, и ухмылялся.

– Бычеголов, – обратился тогда к вождю один из нелюдей, невысокий, как газар, но широкоплечий, длиннорукий, с крепкими и острыми, словно у волка, зубами. – Позволь, я выпотрошу мертвецу брюхо и посмотрю, что у него внутри!

Бычеголов кивнул.

Крепыш-нелюдь опустился на четвереньки и со скоростью распрямившейся пружины прыгнул на незваного гостя. Быстрота его была быстротой рыси, однако незнакомец легко, будто играючи, увернулся от когтистых лап, схватил нелюдя за шиворот и впился ему зубами в шею.

Нелюдь забился в руках Лагина, ударил его когтями по лицу, но все было бесполезно. Лагин не ослабил хватку и не оторвался от шеи нелюдя, пока не выпил всю его кровь.

Затем небрежно отшвырнул труп, взглянул на Бычеголова, громко рыгнул и засмеялся.

Царапина на его лице быстро затянулась.

– Ты не простой упырь, – хмуро сказал Бычеголов.

Лагин облизнул испачканные кровью губы и усмехнулся.

– Я рад, что ты это заметил. Глеб-Первоход назвал меня вурдалаком. А в западном царстве таких, как я, называют стригоями. Ты можешь звать меня так же – стригой. Разреши мне подойти к костру и сесть. Я слишком много ходил сегодня, и мои ноги гудят от усталости.

Бычеголов молча кивнул.

Лагин подошел к костру. При его приближении нелюди опасливо расступились. Усевшись на траву, Лагин снова воззрился на верховного вождя и сказал:

– Я слышал твой разговор с нойоном Бекетом. Вы и впрямь собираетесь идти войной на людей?

Бычеголов прищурился.

– Да, это так. Ты вроде не человек. Значит, это и твоя война?

Лагин усмехнулся:

– Что ж, я готов помочь тебе. Но у меня есть одно условие.

– Какое?

– Я хочу княжить в Хлыни.

Бычеголов пристально взгляделся в лицо Лагина, потом ухмыльнулся и сказал:

– Ты упырь, но желания у тебя человеческие. Зачем тебе это?

– Рано или поздно вы уйдете из Хлынь-града, – ответил Лагин. – Соседние князья – и славянские, и франкские, и хазарские – не допустят, чтобы на троне сидел нелюдь. Но меня они примут за человека. Когда ты вдоволь накуражишься, я соберу выживших людишек и стану княжить ими.

– С чего ты решил, что они тебе позволят?

Глаза Лагина блеснули мягким блеском.

– Я найду способ убедить их, – заверил он. – У меня будет своя дружина. И я позабочусь о том, чтобы мои ратники были самыми сильными ратниками в мире.

Бычеголов обдумал его слова и сказал:

– Я не понял и половины из того, что ты говорил, упырь. Но будь по-твоему. Княжий трон – твой.

Лагин улыбнулся и расслабился.

– А теперь, – снова заговорил Бычеголов, – отойди подальше от костра. Мне не нравится запах мертвечины.

Лагин сдвинул брови, но возражать не стал. Он поднялся на ноги и отошел на десять саженей. Там снова сел на траву, достал из кармана платок и вытер с губ кровь.

Двое воинов Бычеголова ухватили нелюдя, убитого Лагиным, за плечи и потащили его поближе к костру, чтобы разделать и зажарить на углях.

Лагин внимательно проследил за их действиями и усмехнулся. Судя по всему, нелюди были лишены человеческих предрассудков.

– Лагин! – окликнул его женский голос.

Ученый муж оглянулся.

– Диона? – Он пристально взгляделся в лицо приближающейся девушки. – Вот так встреча! Ты стала еще красивее, Диона. Я рад, что с тобой все в порядке.

Диона остановилась в шаге от него.

– Зачем ты здесь? – тихо спросила она.

– А разве ты не слышала? Хочу стать князем Хлыни. По-моему, я вполне для этого гожусь. Как думаешь?

– Я не верю тебе, – сказала Диона.

– Не веришь?

Диона качнула головой:

– Нет. Ты что-то замыслил.

Лагин прищурил холодные глаза и усмехнулся.

– Ты слишком подозрительна, моя прелесть. Впрочем, думай как хочешь.

– Я узнаю, что ты замыслил, – процедила Диона сквозь сжатые зубы.

Лагин улыбнулся.

– Расслабься, красавица, – примирительно произнес он. – Съешь кусочек нелюдя. Когда я нервничаю, у меня просыпается волчий аппетит.

Ученый муж сорвал травинку и сунул ее в рот.

– Ты видел Глеба? – спросила Диона, по-прежнему пристально его разглядывая.

Лагин кивнул:

– Да.

– Шрамы на твоём лице оставил он?

– Он выстрелил в меня серебряной пулей, – сообщил Лагин, пожевывая травинку. – Дьявольская штука.

– Но ты жив.

– Насчет того, жив я или нет – это вопрос спорный. А что до той пули... Попади она мне в висок или в лоб, я был бы уже на том свете.

– Ты заслужил ада и Нави, – мрачно заявила Диона.

Лагин перестал жевать, взглянул на девушку удивленным взглядом и сказал:

– Ты тоже.

– Эй, стригой! – громко позвал от костра Бычеголов.

Лагин повернулся и посмотрел на вождя.

– Если встретим Первохода, не трогай его! – прорычал Бычеголов.

Лагин хмыкнул и облизнул губы.

– Это еще почему? – поинтересовался он.

– Потому что он – мой! – последовал ответ.

– Вот оно что. – Лагин выплюнул травинку и ухмыльнулся. – Старые счета? Что ж, я не буду перебегать тебе дорогу. Каждый из нас получит свое: ты свернешь Первоходу шею, а я высосу из него кровь.

Лагин перевел взгляд на Диону. Девушка стояла перед ним, сосредоточенно нахмурившись и покусывая губы.

– Пойду пройдуся, – сказал Лагин и легко поднялся на ноги. – Не хочешь со мной?

Диона качнула головой:

– Нет.

– Что ж, тогда до встречи.

Стригой повернулся и бодро зашагал к чащобе. Диона сжала кулаки и проводила его долгим задумчивым взглядом.

5

Князь Егра, грузный, лысый, величественный, сидел в палатах, обитых медью, никого не допуская перед очи. Бессонные ночи сделали лицо князя серым, взгляд – угрюмым, душу – лютой, а ноги – бессильными.

Муторно было на душе у Егры. Намедни тайные соглядатаи перехватили донесение от правителя Голяди хазарскому кагану. Просил голядский князь Орлик помощи у хазарцев в войне с Хлынью. Неделей раньше такое же донесение голядский князь переправил кривичскому и дреговичскому князьям – про то узнали от взятого в полон голядского поручика.

Не такой войны ждал князь Егра. С Голядью совладать – задача нетрудная. Но вдруг хазары да радимичи Орлика поддержат? Как воевать сразу на несколько сторон?

Была и еще одна неприятная весть: в Гиблом месте нечисть заволновалась. Атаман Самоха обещал уродов приструнить, но сумеет ли?

Князь вздохнул.

Не за свою шкуру боялся Егра, а за земли, что от князя Аскольда в наследство получил. Не разбазарить бы.

При Аскольде княжество в границах своих удержалось, хоть и мягок был Аскольд, да сумасброден. Егра же, взяв бразды правления в свои руки, навел в княжестве строгий порядок. Люди, рассудил он, по своей сути страшнее лютых зверей. Не позволишь им выпустить пар, выпустят друг другу кишки. Потому – разрешил Егра купцам построить Порочный град, но придвинул его поближе к Гиблому месту.

Накопит человек в душе злобу, но вместо того, чтобы ближнему своему нагадить, поедет в Порочный град и на нечисти отыграется. Да еще и деньги за то заплатит, а часть денег прямоком в княжью казну отправится. Великое дело!

Но находились и такие, кому сей уклад был не по нраву. Бузу терли, народ на нехорошее подымали. И рад был бы Егра дурное дело пресечь, но как?.. Нет, уж пусть лучше Порочный град стоит да слюдяными факелами прохожих богачей призывает. Простым людям оттого будет только спокойнее.

Егра снова вздохнул.

В палаты вошла княгиня Наталья. Она была бледна и будто чем-то напугана. Должно быть, проходила мимо клеток со спуржун-птицами.

– Зачем спуржун-птиц на подворье притащил? – неприязненно спросила княгиня, останавливаясь возле дубового трона. – Кони волнуются!

Егра чуть-чуть повел щекой, словно ему было больно поворачивать голову.

– Ничего, привыкнут. А птиц этих я приручу.

– Приручишь? Эти крылатые твари – порождение Гиблого места! Их нельзя приручить! Егра хмыкнул.

– А я все ж попробую. Вот приручу этих двух, велю поймать в чащобе других. Ежели в моей дружине будет десяток-другой спуржун-птиц, нам никакой враг не страшен.

Княгиня несколько мгновений молчала. Затем подошла ближе и положила руку князю на плечо.

– Помнишь, как ты мне сказал, когда в жены меня взять хотел? «Моей будешь, тебя на престол возведу. Моей будешь, с тобой вместе княжеством править станем. Без тебя жизнь не жизнь, а с тобою вместе – смерть не смерть».

– Было дело, – отозвался Егра. – Но ты мне тогда нехорошо ответила.

– Ответила, как могла. Отец мой был еще жив. А раньше смерти хоронить живого негоже. Но не об этом я с тобой говорить хочу.

– Тогда о чем?

– Озабочен ты, Егра. Улыбка на твоём лице больше не появляется. Стал угрюм, неприветлив. А вслед за угрюмостью пришла и лютость.

Князь, прошуршав пурпурной накидкой, скрепленной драгоценной фибулой на правом плече, повернул голову в сторону супруги.

– Я должен быть лютым, Наталья, – сказал он. – Один я. Никого кругом. – Взгляд князя потеплел, и он договорил неожиданно мягким голосом: – Только ты у меня одна и осталась. А я у тебя.

Княгиня вздохнула.

– Ты стал слишком подозрителен, Егра. Друзей от врагов не отличаешь.

Князь дернул щекой.

– Лучше казнить друга, чем приветить врага, – сухо проговорил он. – А враги нынче кругом. Даже нелюдь распоясалась. Недавно один из этих уродов пробрался в палаты и принялся крушить все вокруг. Едва меня не угробил. Хорошо, воевода Ратибор оказался рядом.

– И где ж теперь этот нелюдь?

Князь помрачнел.

– Сбежал. Убил охоронцев и сбежал. Здоровый был, леший. С сажень ростом, не меньше. А на башке – шишки. Как рога.

Наталья улыбнулась, протянула руку и провела ладонью по лысой смуглой голове Егры.

– Одичал ты совсем. Вот и спуржун-птиц этих себе завел. Смотреть страшно.

Князь молчал, угрюмо уставившись на свои колени.

Наталья редко обращалась к мужу со словами сочувствия или поддержки, но сейчас поняла, что на сердце у Егры слишком тяжело, чтобы суметь вынести эту тяжесть одному. Чув-

ствуя, что князь нуждается в ее поддержке, она сказала себе: «Твоему мужу плохо. Протяни ему руку, выслушай его». И она, повинаясь неведомому голосу, повторила:

– Что тебя так тревожит, муж мой?

– Худой сон из головы нейдет, – вдруг откровенно признался князь. – Уж который день не могу опомниться от того сна.

– Что за сон?

– Приснилось мне, будто змея прокралась в мой дом, обвила мою шею, замаслила мне уши ласковыми речами, а как только я расслабился, ужалила меня в сердце.

Наталья с тревогой слушала слова мужа.

– А потом снилось, будто кладут меня в ладью и спускают на воду. И лишь только отплыла ладья от берега, как весь берег объял всепожирающий огонь. И кричали в том огне бабы и дети, и вопили от боли мужики. А я уже ничем не мог им помочь.

Наталья, потрясенная, молчала.

– Что-то страшное грядет, Наталья, – закончил Егра угрюмым голосом.

– На какой день ты видел этот сон? – спросила Наталья после паузы.

– На второй день молодой луны.

Наталья протянула руку и погладила мужа по голове.

– Ты просто тревожишься из-за войны с Голядью, – сказала она.

Егра хотел ответить, но в палаты, запыхавшись, вбежал холоп.

– Что стряслось? – грозно спросил его князь.

– Пресветлый княже, там к тебе просится человек! – выпалил холоп.

– Человек? – Егра нахмурился. – Какой еще человек?

– Говорит, что ты его знаешь!

– Прозвище его спросил?

– Да! Говорит – Глеб-Первоход!

Наталья побледнела и прижала руки к груди. Егра хмуро на нее взглянул и сказал:

– Ступай к себе.

Наталья взглянула на него тревожными глазами и спросила:

– Ты его примешь?

– Приму, – ответил князь. – Не каждый день в мою дверь стучится мой лютый враг. Нужно узнать, что ему нужно.

– Я не...

– Ступай, – коротко и грозно повторил Егра.

В глазах княгини полыхнул строптивый огонек, но она быстро сдалась и послушно зашагала к дверям.

6

Помимо Егры, в палатах были четыре охоронца и первый советник князя – боярин Велигор.

Велигор стоял за троном князя и выглядел полной противоположностью Егры. Князь был грузен, лыс и брит, а лицо имел упитанное и благообразное. Советник Велигор был тощий, жилистый, с кадыкастой шеей, длинными темно-русыми волосами и морщинистым лицом.

Держался Велигор спокойно и почтительно, а на охоронцев и их начальника смотрел свысока, как и подобает домовому боярину и первому советнику князя.

Когда Глеб, растерянно озираясь, вошел в палаты, князь улыбнулся и холодно проговорил:

– Ну, здравствуй, Глеб-Первоход. Давно не виделись.

– Давно, Егра, – признал Глеб, останавливаясь перед троном. – Так давно, что уж и позабыл, как ты статен и красив.

Князь холодно прищурился.

– Ты все так же своеволен и языкат? – насмешливо спросил он. – Некому, видать, было язык твой укоротить. Зачем пожаловал?

Глеб откинул со лба рукою длинную прядь волос и ответил:

– Слышал я, князь, что в Гиблом месте нечисть бурлит. Войной на твои земли пойти грозитя.

Егра прищурился и облизнул губы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.